114 3/6

5451.

1143/6

315

ЗАРНИЦЫ РУСИ

ЗА СКИѲСКИМЪ ГОРИЗОНТОМЪ

РАЗЫСКАНІЙ О ЕЯ НАЧАЛѢ

ДРЕВНІЯ

РУССКІЯ и СЛАВЯНСКІЯ ИМЕНА ДНѢПРОВСКИХЪ ПАРОГОВЪ.

Si monumentum quaeris circumspice.

„Всякое дерево узнается по плоду своему; потому что не сбираютъ смоквы съ терновника, и не снимаютъ винограда съ кустарника.“

Сочиненіе А. С. Великанова.

ИЗДАНІЕ ОДЕС. КНИГОПР. В. И. БѢЛАГО.

ОДЕССА

Слав. тип. М. Я. Горсдецкаго и К°, Преображенская ул. д. Ралли № 24.

1877.

ЗАРНИЦЫ РУСИ

ЗА СКИѲСКИМЪ ГОРИЗОНТОМЪ

РАЗЫСКАНІЙ О ЕЯ НАЧАЛѢ

ДРЕВНІЯ

РУССКІЯ и СЛАВЯНСКІЯ ИМЕНА

ДНѢПРОВСКИХЪ ПАРОГОВЪ.

Si monumentum quaeris circumspice.

«Всякое дерево узнается по плоду своему; потому что не собираютъ смоквы съ терновника, и не снимаютъ винограда съ кустарника.»

Сочиненіе А. С. Великанова.

Изданіе одес. книгопр. В. И. Бѣлаго.

ОДЕССА

Слав. тип. М. Я. Городецкаго и К° Преображенская ул. д. Ралли № 24.

1877.

Дозволено цензурою. Одесса. 15 Ноября 1876 года.

Николаю Александровичу

НОВОСЕЛЬСКОМУ,

въ воспоминаніе 17-го сентября 1876 года

и

словъ:

„Въ темницѣ бѣхъ и посѣтисте мене,“

посвящаетъ

настоящее сочиненье, съ глубочайшимъ уваженьемъ и признательностію,

А. С. Великановъ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 303166
« » 193 г.

Предисловіе.

Въ текущемъ году вышла въ свѣтъ книга: «Разысканія о началѣ Руси», сочиненіе Д. Иловайскаго. Выводы этихъ «разысканій» формулируются въ слѣдующія положенія: Истые предки восточныхъ славянъ — кочевники Скиѳы, главное богатство которыхъ, покрайней мѣрѣ вѣковъ за пять до нашей эры, заключалось въ стадахъ; а семейства ихъ жили въ войлочныхъ кобиткахъ, которыя, въ случаѣ передвиженья, запрягались парою быковъ. Они питались отъ своихъ стадъ, а не плодами земледѣлія.—Мало-по-малу Скиѳы подчиняются чужеземному вліянію, и часть ихъ обратилась къ земледѣлію *).

Высокоуважаемый англичанинъ Макензи Уоллесъ, прилежно и усердно изучающій Русь, не роясь въ мертвыхъ хартіяхъ, а лишь слѣдуя принципу: Si monumentum quaeris, circumspice, — пришолъ къ совершенно противоположному выводу, именно къ тому, что «Русь-Славяне были всегда земледѣльческимъ народомъ» **).

Этотъ выводъ самъ собою представится читателю и въ настоящемъ сочиненіи; такъ что скиѳскій туманъ, поднимающійся изъ приведенныхъ положеній, быть можетъ разсѣется прежде выхода въ свѣтъ прочихъ отдѣ-

*) Разыск., стр. 14, 20, 21.

**) Голосъ, 1876, № 239.

ловъ моего труда, имѣющаго общее заглавіе: «ЗАРНИЦЫ РУСИ.» Излагая здѣсь только одну главу его о древнихъ именахъ Днѣпровскихъ пароговъ, я, для уясненія основной мысли моей, долженъ былъ войти въ подробности, которыя, въ полномъ сочиненьи, принадлежатъ другимъ главамъ. Основная же мысль моя состоитъ въ томъ, что столѣтній споръ норманистовъ и ихъ противниковъ о національности Руси долженъ найти свое окончательное разрѣшеніе въ доказательствахъ, которыя приводятся въ настоящемъ сочиненіи въ подтвержденіе словъ лѣтописи: «А словѣнескъ языкъ и Рускый одинъ».

ЗАРНИЦЫ РУСИ ЗА СКИѲСКИМЪ ГОРИЗОНТОМЪ „РАЗЫСКАНІЙ О ЕЯ НАЧАЛѢ“.

Древнія русскія и славянскія имена Днѣпровскихъ пароговъ.

Тому, кто пробирается ощупью въ туманѣ миѳической эпохи Русь-Славянскаго народа, не мудрено заблудиться и съ фонаремъ, если свѣтъ его направленъ не въ ту сторону, въ которую надо: онъ создаетъ тогда одни обманчивые призраки. Фонарь этотъ сама судьба посылаетъ изслѣдователямъ, и перебывалъ онъ во многихъ рукахъ: его руководящій свѣтъ—несомнѣнный историческій фактъ, представляющій параллель русскихъ и славянскихъ именъ, которыя, въ IX вѣкѣ нашей эры, носили Днѣпровскіе пароги, и которыя сохранены для потомства въ сочиненьяхъ византійскаго императора Константина Багрянороднаго. Онъ жилъ въ томъ же самомъ вѣкѣ, и, слѣдовательно, былъ современникомъ существованья двойныхъ именъ пароговъ. Параллель русскихъ и славянскихъ именъ, по сознанію историковъ, самое темное мѣсто во всемъ вопросѣ о національ-

ности Руси, и привела многихъ къ заключенью, что языки русскій и славянскій были различны, если понадобились двойныя наименованья для однихъ и тѣхъ же предметовъ, и что и самые народы, Русь и Славяне, были разноплеменны. Сообщенный Константиномъ фактъ сдѣлался поприщемъ единоборства между двумя станами: норманистовъ съ одной стороны, и индепендентовъ-славистовъ—съ другой. Первые домогаются сдѣлать основателями русской государственной жизни нордманновъ, потому что первые князья, которые были призваны „володѣть русскою землею", по своему происхожденію были будто бы Скандинавы, которымъ и приписываютъ исключительное право именоваться норманнами. Но имя „норманны" не болѣе, какъ географическій терминъ: средневѣковая хроника Ліутпранда сообщаетъ извѣстіе, что Руссы живутъ *къ сѣверу отъ Константинополя*, и „мы, по положенью страны, называемъ ихъ Нордманнами" [1]). Потому-то, какъ у Ліутпранда, такъ и у писавшаго послѣ него, въ XI в., Іоанна Діакона, враги, напавшіе съ моря на Царьградъ въ 865 г., названы общимъ именемъ, въ множ. числѣ, gentes Normannorum. Къ этому именно году относится извѣстіе нашего Нестора: „иде Аскольдъ и Диръ на Греки". Второй станъ, со всѣмъ славянскимъ самоотверженьемъ, мужественно отстаивалъ, что Русь и Славяне одноплеменный народъ, и что первые князья наши вовсе не скандинавы. Вотъ уже чуть-ли не сто лѣтъ проходитъ, какъ изъ обоихъ становъ выѣзжаютъ *поляницы* на это *поле полевать*, и много поломали онѣ въ единоборствѣ острыхъ писчихъ копій, съ изобильнымъ чернилопролитіемъ.

---

[1]) Илловайскій, Разыск. стр. 332.

Основателемъ норманнской школы у насъ былъ Байеръ, по словамъ Шлёцера, „великій изслѣдователь языковъ, который много потѣлъ надъ китайскимъ языкомъ, но не учился по русски". По слѣдамъ его пошли Струбе, Тунманъ, Лербергъ, Кругъ, Куникъ, сопровождаемые Карамзинымъ, Погодинымъ и другими. Школа эта почерпала свои доводы изъ всѣхъ сѣверогерманскихъ, даже финскихъ и кельтскихъ языковъ и нарѣчій, и вотъ образчикъ—аргументаціи ея послѣдователей о принадлежности норманнамъ, т. е., по ихъ мнѣнію, скадинавамъ, имени парога, на примѣръ, *Ульворси:* имя это, говорятъ они, надобно читать *Ульмворси*, а еще лучше *Хольмворси*; ибо-де *Хольм* (Holm) въ языкахъ: англійскомъ, шведскомъ, нижнесаксонскомъ и датскомъ означаетъ островъ или островокъ. Вторая половина имени *ворси* напоминаетъ нижненѣмецкія: worth, wurth, wörde, и англосаксонскія: worth, warth, означающія или возвышеніе, или берегъ; можно также производить ее отъ fors. Весь этотъ громоносный снарядъ нѣмецкой учености долженъ былъ бы произвесть всегда желаемое ею смиреніе передъ ней славянской учености, тѣмъ болѣе что на поддержку явились языки литовскій и даже венгерскій. Но не тутъ-то было: самъ приверженецъ норманнскаго стана, Погодинъ, заявилъ, что имена пароговъ представляютъ только открытое поле для догадокъ.

Славянскій станъ, въ лицѣ Иловайскаго, для объясненія того же имени Ульворси, приводитъ въ своихъ соображеніяхъ множество словъ, не забывши при этомъ и горы Элбруса. Слово *волна*, говоритъ онъ [1]), въ древне-русскомъ языкѣ *могло* произноситься безъ **в**, т. е. *олна* или *улна*;

[1]) Разысканіе стр. 321.

корень здѣсь конечно *Ул*, также какъ въ древне-скандинавскомъ ula (готск. vula). Кромѣ рѣки Улы, мы имѣемъ тотъ же корень въ словахъ: *улица*, *переулокъ* „*улей* и т. п. Въ іотированной формѣ отсюда происходитъ слово *юла*, *юлить*, означающее метаться, *что очень подходитъ къ порогу*“ [1]). Не ясно ли, что Иловайскій струей обвиваетъ порогъ, а все-таки не разъясняетъ намъ слова *вална*, или, по русскому окающему говору, *волна*? Прежде насъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, никто не дѣлалъ серьезной попытки искать объясненія именамъ пароговъ въ Славяно-русскомъ языкѣ. Всякую попытку объяснять эти имена изъ не германскихъ языковъ, норманизмъ встрѣчалъ возгласами, что это не научно, что это натяжки, предвзятая идея и т. п. И дѣйствительно, до чего доходитъ беззастѣнчивость нѣмецкой учености, можно судить по выходкамъ, на примѣръ, Куника, который увѣряетъ, что Славяне безъ Нѣмцевъ не имѣли бы даже идеи о врагѣ, потому что слова: *врагъ* и *ворогъ* они заняли изъ готскаго языка. Онъ же заявляетъ, что *Ладога* есть переиначенное скандинавское слово *Альдога*, и произошло изъ финскаго Alceto—волна [2]).

Въ концѣ концовъ Иловайскій заключаетъ, „что можетъ быть современемъ, когда, на объясненіе именъ Днѣпровскихъ пароговъ, *при помощи Славянскихъ нарѣчій*, употреблено будетъ хоть въ половину столько же труда и усилій, сколько было потрачено на объясненіе изъ германскихъ, вопросъ этотъ ближе подвинется къ своему рѣшенію“. [3]) Въ такомъ-де случаѣ, отзывается на это Погодинъ, ока-

---

[1]) Разыск., стр. 321.

[2]) Разыск., стр. 204.

[3]) Дорнъ, Каспій, ст. 406, 245.

залось бы, что славянскихъ языковъ было два—русскій и славянскій; а это, вѣдь, нелѣпость. Никакой тутъ нѣтъ нелѣпости, отвѣчаетъ Иловайскій: вѣдь славянскій языкъ имѣетъ разныя нарѣчія и говоры. Недоумѣнье Погодина о томъ, что Русь, въ разныхъ извѣстіяхъ, имѣла болѣе тѣсный и болѣе широкій смыслъ, Иловайскій разрѣшаетъ тѣмъ, что источники употребляютъ въ разнообразныхъ значеньяхъ, т. е. объемахъ, названія, наприм. Римляне, Греки, Скиѳы, Сарматы, Франки, Нѣмцы, Норманны и проч.

Такимъ образомъ мы видимъ, что имена пароговъ пытались объяснить словами изъ всѣхъ европейскихъ языковъ, забывая при этомъ тотъ существенный фактъ, что эти языки вовсе не самородки Европы. Всѣ они родичи между собою, и въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ дѣло не идетъ на ладъ, всегда должно обращаться къ ихъ прабабушкѣ, ближайшей роднѣ первобытнаго арійскаго языка, къ его зеркалу санскриту. Вотъ, на примѣръ, Иловайскій, къ имени Улворси, подъискалъ будто бы корень *Ул*, и ничего не объяснилъ имъ; потому что у него онъ одинаково годится для волны, улицы, улья, р. Улы. Если у этого корня нѣтъ смысла, то какъ же, посредствомъ его, добраться до этимологическаго смысла волны?. Неосмысленный корень дастъ и неосмысленныя отрасли, и чтожъ мы тутъ выиграемъ? Корень *ул* безсмысленъ, слѣдовательно и происшедшія отъ него имена: волна, улица, улей, Ула, произвольно даны тѣмъ предметамъ, которые они означаютъ; даны такъ-себѣ, потому что подвернулись подъ языкъ. Разъясненіе смысла слова въ одномъ арійскомъ языкѣ посредствомъ сближенья его съ словами другихъ сходныхъ языковъ, приноситъ

пользу въ двухъ случахъ: во первыхъ, когда вы отыскали для даннаго слова осмысленный корень въ санскритскомъ, и слѣдите его развитіе въ другихъ сродныхъ языкахъ; и вовторыхъ, когда вы не нашли подходящаго корня въ санскритѣ, и стараетесь разъяснить его смыслъ сравненіемъ съ подобозначащими словами другихъ сходныхъ языковъ, и въ этихъ уже случаяхъ силитесь добраться до самороднаго корня слова въ данномъ языкѣ. До сихъ поръ наши филологи сами содѣйствовали нѣкоторому самоуниженію русскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій; потому что у нихъ родство славянскихъ языковъ со всѣми другими арійскими языками, а слѣдовательно и общность ихъ происхожденія отъ одного первоначальнаго языка, есть только фраза на вѣтеръ. Оттого-то и дали они торжество норманнистамъ, которые русскія слова распяливали на филологической дыбѣ, заставляя ихъ этою пыткою говорить: мы-де не Русь-Славяне, а Норманны-скандинавы; очень рады принадлежать къ общему съ вами благородному предку. Нѣмцы, хотя и признаютъ Славянъ арійцами, а все-таки имъ хотѣлось, чтобъ они были короткоголовые, да на бѣду и сами попали, по новѣйшимъ изслѣдованьямъ, въ эту же категорію. Разверните Словарь Даля: чуть встрѣтится ему русское слово, по звукамъ и значенью подходящее подъ нѣмецкое, и вотъ онъ ставитъ въ скобкахъ вопросительную замѣтку: *не нѣмецкое-ли*, забывая, что какъ Славяне, такъ и Нѣмцы имѣютъ одинаковое право на таковое слово, по общности происхожденія ихъ отъ одного предка, и вовсе не занимали этого слова другъ у друга. Да добро бы еще нѣмецкое; а то что̀ вы скажете, напримѣръ, о нашемъ филологѣ Лавровскомъ, который въ своемъ сербско-русскомъ

словарѣ предваряетъ читателя, что слова, отмѣченныя звѣздочкою, заняты у турокъ. И вотъ, найдется тутъ не мало словъ, извѣстныхъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, или корень которыхъ чисто арійскій; а между тѣмъ, по Лавровскому, они заняты у турокъ. И по здравому смыслу, уже одинъ поздній приходъ въ Европу кочевниковъ урало-алтайской расы и ихъ, далеко нисшая въ сравненіи съ Славянами цивилизація, приводитъ къ заключенію, что славянскія слова Турки заняли у Славянъ, а не на оборотъ. Такъ, напримѣръ, сербскія слова: *варош*, *варошанин*, т. е. городъ, горожанинъ, по Лавровскому, взяты у Турокъ; а между тѣмъ слово это лежитъ въ основѣ именъ *Варшава*, *Воронежъ*, *Варад'і*, переиначеннаго Нѣмцами въ *Гросс-Варадейнъ*. Однажды профессоръ славянскихъ нарѣчій Новороссійскаго университета, Григоровичъ, увѣрялъ меня, что славянское слово *церковь* взято предполагаемыми переводчиками Новаго Завѣта, Кирилломъ и Меѳодіемъ, съ Греческаго *кірікі* — домъ Господень; но слово *церковь* вовсе не ограничивается такимъ узкимъ значеньемъ; а имѣло уже до христіантства широкое значенье греческаго εκκλησία, о чемъ подробно изложено въ особой главѣ нашего полнаго сочиненья. Если бы наши филологи и историки съ самаго начала занялись изученьемъ санскритской литературы; они бы узнали, что изъ всѣхъ арійскихъ языковъ Европы, въ наиближайшемъ родствѣ съ санскритомъ находятся Русь-Славянскіе языки. Въ особенности поразило бы ихъ то, что множество областныхъ словъ въ архангельской, вологодской, вятской, новгородской, тверской и другихъ сѣверныхъ губерніяхъ, часто сходны съ санскритскими, не только почти буква въ букву, но и по значенью. То же самое можно

сказать и о нарѣчіяхъ русскаго языка малорусскомъ и бѣлорусскомъ. Западные лингвисты, мало знакомые вообще съ славянскими нарѣчіями, а тѣмъ болѣе съ областными русскими, ближайшимъ санскриту языкомъ провозгласили Литовскій. Возьмемъ въ капитальномъ санскритскомъ лексиконѣ Эмиля Бюрнуфа, напримѣръ, слово *ассман* (61) [1], означающее число 8; приводятся соотвѣтствующія ему слова европейскихъ арійскихъ языковъ, за исключеньемъ славянскаго, *греч.* ὀκτώ, *лат.* octo, *готэ* ohtau, *литовск.* asztuni, *нѣм.* acht, *англ.* eight, *франц.* hui. Въ санскритскомъ вовсе нѣтъ буквы *т*, которая встрѣчается во всѣхъ приведенныхъ словахъ; значитъ славянское *осьм* стоитъ къ нему ближе всѣхъ, при чемъ, по закону русскаго акающаго говора, начальная санскр. гласная *а* обратилась, вслѣдствіе присутствія надъ нею ударенія, въ русское *о*; съ губнымъ-же придыханьемъ образуется *в'осьмь*, *в'осемь*. Или: вотъ слово, кор. *жив*, *живāмі* (269); лексиконъ ставитъ его въ параллель съ *лат.* vivo, *герм.* leben, *англ.* live, между тѣмъ какъ отсутствуетъ наше: *жить*, *живой*, совершенно соотвѣтствующее санскритскому по звуку и значенью. Или еще въ параллель съ *анїа* (29) ставится греч. ἄλλος, лат. alius, тогда наше *иный* наиболѣе подходящее слово. Честь разсѣянія заблужденія западныхъ лингвистовъ, относительно даннаго литовскому языку преимущества, близости къ

---

[1]) Цыфры въ скобкахъ, при санскритскихъ словахъ, означаютъ страницы книги, „Dictionnair sanscrit-français, oú sont coordonnés, revisés et complétés les traveaux de Wilson, Bopp, Westergaard, Johnson etc., publié sous les auspices de M. Rouland, ministre de l'instruction publique, p. Émile Burnouf, avec la collabor. be L. Leopol. P. 1866.

На этотъ словарь мы постоянно ссылаемся въ настоящемъ сочиненьи.

санскриту, должна принадлежать русскимъ филологамъ, въ особенности тѣмъ, которые хорошо знакомы съ областными нарѣчіями широко-раздольной свято-русской земли.

Примѣч. *Акающій* говоръ русской рѣчи находится въ ближайшемъ родствѣ съ санскритомъ, который по преимуществу есть акающій, вслѣдствіе громаднаго преобладанія въ его реченіяхъ слоговъ съ гласною *а* надъ слогами съ другими гласными. Законъ русскаго акающаго говора состоитъ въ томъ, что при паденіи ударенія въ словѣ на гласную *а*, она обращается въ *о*: *харашо харóшій*; *варажить варóжка*. Этотъ же самый законъ нашей акающей системы, по моимъ наблюденіямъ, примѣняется и къ санскритскимъ словамъ, при переходѣ ихъ въ русскія; тѣ же акающіе слоги санскрита, на которые и въ русскомъ словѣ не падаютъ ударенія, остаются безъ перемѣны. Примѣры: *агні* (8) *агóнь*, *óгненный*; *катара* (137) катóрый; *карава* (142) — карóва; *паражаіїе* (390) *паражать*; *сâлâвіїаі*, *салавей* отъ *Сâлâва* (666) — пѣсня; *їаі* (520) — возносящій (жертву), прославляющій, дарующій; слѣдоват., кстати замѣтить, *салавей* — пѣснословѣцъ, пѣснодаръ: «О баяне, соловью стараго времени,» баянъ — не собств. имя, а идеальный типъ миѳическаго поэта, представителя русскихъ гомеровъ. Нелѣпое правописаніе наше по окающей системѣ установило писать подобныя слова такъ: *корова*, *который*, *поражать*, *соловей* [1]). Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ въ особой главѣ нашего сочиненія.

---

[1]) Вотъ еще примѣръ: Санскр. *карна* (144) значитъ ухо; съ отриц. суфиксомъ *а*, выходитъ *акарна* — безъ ухій; у насъ же *карнать* значитъ — отрѣзать, лишать; *карнаухій*— лишенный уха, съ отрѣзаннымъ ухомъ. И между тѣмъ пишутъ *корнать*, *корноухій*. Сюда же подвелъ Даль: *курносый* и проч.

Послѣ усилій, не увѣнчавшихся впрочемъ успѣхомъ, объяснить параллельныя русскія и славянскія имена пароговъ изъ славянскихъ нарѣчій, Иловайскій приходитъ къ слѣдующему окончательному выводу. Русскія названія пароговъ суть основныя, первоначальныя, восходящія къ глубокой древности. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно видѣть еще остатокъ *скиѳской* эпохи. [1]). Въ исторіи я понимаю *миѳическую* эпоху, но никакой *скиѳской*, признаюсь откровенно, не знаю. Древность русскихъ именъ сравнительно съ славянскими выводится Иловайскимъ изъ слѣдующихъ соображеній. Кіевская Русь никогда не называла себя Славянами, и именемъ своимъ различала себя отъ другихъ покоренныхъ ею славянскихъ племенъ. Русскій говоръ имѣлъ свои отличія отъ другихъ сосѣднихъ Славянъ; такъ что для иноземнаго уха почти тожественныя слова могли иногда показаться различными. Русскія названія пароговъ не суть переводы славянскихъ. Въ двухъ случаяхъ они тожественны, а въ трехъ другихъ представляютъ небольшіе варіанты. Аналогію съ ними можно предложить, составивъ параллель въ такомъ родѣ: по русски *восходъ*, *западъ*, по славянски: *востокъ*, *заходъ* и т. п. Если бы кто сказалъ: по русски *топоръ*, по славянски *секира*; развѣ изъ того слѣдуетъ, что топоръ не славянское слово? Выходитъ, по этому, что Иловайскій признаетъ русскія и славянскія имена пароговъ синонимами; но источника, откуда потекли эти двѣ синонимическія рѣки, онъ, къ сожалѣнію, не видѣлъ за своими скиѳскими туманами, во мракѣ которыхъ вращался. Углубившись въ письмена, и забывши, что письмя убиваетъ, онъ отвернулся отъ животворнаго духа народ-

[1]) Разыск. 429.

ныхъ легендъ и былинъ, причисливъ ихъ къ баснямъ, до которыхъ исторіи будто бы нѣтъ никакого дѣла; по его словамъ, *филологія шагу не можетъ сдѣлать безъ исторіи*, тогда какъ, на оборотъ, безъ сравнительной лингвистики, скорѣе исторія, разумѣется древняя, не можетъ сдѣлать шагу безъ того языка, который теперь княжитъ въ родѣ европейскихъ языковъ арійскаго происхожденья. Покажемъ это примѣромъ, подавая помощь историку, который, влаяся по волнамъ съ корнемъ *ул*, не пришелъ ни къ какому тихому пристанищу. Въ живой, не задавленной прозою жизни, фантазіи древняго арійскаго народа почти каждое слово становилось родникомъ миѳа, воплощеньемъ идеи въ конкретный образъ. Въ его представленіи сближаются: *балага* — вода, *балагака* — бѣлое, кучерявое облако, *балі* и *баліна* — рябь, зыбь (462); корни:

а) *валк'* — (570) — прядать, прыгать, кучерявиться; въ Вѣдахъ читаемъ: «самудрô валкати'» — море кучерявится; оттого *вал*—баранъ;

б) кор. *вайл вайлламі* (618) — итти, колебаться, зыбиться, рѣзвиться; *вайлла* (619) — движенье, колебаніе; *вайла* (618) — струя, теченье, прибой и отбой; берегъ.

в) *Вал* (569) — прибиваться, двигаться къ чему;

г) *Вал* (570, 569) — лепетать; сверкать.

Такимъ образомъ изъ этихъ корней, почти синонимическихъ и гомонимическихъ, возникаетъ идея нашего слова *вална* или, по окающему говору, волна, вполнѣ отвѣчающаго, по звуку и значенью, санскритскому *вайла*.

Признавая походъ Олега на Царьградъ и его договоръ съ греками легендою, такъ какъ *Византійцы о немъ совершенно молчатъ*, Иловайскій извлекъ однакожъ изъ этой

легенды справедливый выводъ, который многоцѣннѣе многихъ греческихъ лѣтописныхъ сказаній, тотъ именно выводъ, что два термина: «Русь и Славяне» были въ большомъ ходу у самихъ Руссовъ, которые своимъ именемъ выдѣляли себя изъ массы подчиненныхъ Славянъ» [1]).

Не можемъ, кстати, умолчать здѣсь о томъ обстоятельствѣ, важномъ для настоящихъ изслѣдованій, что Иловайскій, по видимому, не держится никакихъ прочныхъ принциповъ въ своихъ взглядахъ на историческіе источники. Если бы, напримѣръ, Ліутпрандъ сообщилъ намъ какое нибудь извѣстіе, относящееся къ Грекамъ, а Византійцы объ этомъ умолчали, навѣрное можно утверждать, что Иловайскій не причислилъ бы Ліутпрандова извѣстія къ легендамъ. Несчастіе постигаетъ одну только нашу лѣтопись: молчатъ византійцы, и у Иловайскаго не только походъ Олега, но и самый договоръ съ Греками — легенда. Въ то же самое время Иловайскій съ довѣріемъ принимаетъ свидѣтельство исландскихъ сагъ о томъ, напримѣръ, что въ древности южная Русь называлась Sviţhioden mikla [2]). Свидѣтельство драгоцѣнное, только умѣйте растолковать эти слова. Олеговъ походъ и договоръ—несомнѣнные историческіе факты; только обстановка ихъ озарена эпическимъ свѣтомъ, какъ и самая смерть Олега. Молчаніе византійцевъ, по поводу унизительнаго для нихъ событія или по другой причинѣ, не можетъ быть принято во свидѣтельство выдумки нашей лѣтописи. Исландскіе саги нисколько не выше нашихъ былинъ и старинокъ, и я позволю себѣ замѣтить здѣсь, мимоходомъ, что ихъ *Леванидовъ крестъ* и рѣка

---

[1]) Разыск. стр. 329.

[2]) Разыск. стр. 333.

Смародина — несомнѣнныя были; но нужно умѣнье разрѣшить эти эпическія загадки, и они станутъ прочнымъ достояньемъ исторіи. Отъ отсутствія такого умѣнья, составители нашей монастырской лѣтописи, несомнѣнно пользовавшіеся для древняго времени сказаньями языческихъ нестаровъ и былинами, или ея переписчики, внесли въ нее знаменитое словцо: «за море», которое, не меньше именъ Днѣпровскихъ пароговъ, сдѣлалось поприщемъ единоборства между норманскимъ и славянскимъ станами. Думаю также, что наши новѣйшіе изслѣдователи и историки введены въ заблужденіе на счетъ мнимаго финства Чюди и вообще сѣверовосточнаго края Руси невѣрнымъ истолкованіемъ, которое составители нашей монастырской лѣтописи дали древнему русскому или арійскому слову «языци» или подобозвучному, встрѣтившемуся имъ въ сказаніяхъ до христіанскихъ нестаровъ или въ тогдашнихъ былинахъ [1]). Въ число Финновъ попалась и Мурома. Миѳическая эпоха протестуетъ противъ этого въ лицѣ Ильи Муромца; историческіе вѣка — древнѣйшими отношеньями русскихъ князей; нашъ вѣкъ — множествомъ древнихъ русскихъ словъ, сохранившихся единственно въ томъ краю до нашего времени, и офенями — исключительнымъ достояніемъ того же края. Напримѣръ, въ Арханг. губ. вы слышите глаголъ *язычить*— говорить, сказывать; а это санскритскій звукъ и значенье *азахê* (69) — сказывать, говорить. Слово «языци», которымъ обозначаются Чудь, Мурома, могло быть такимъ же искаженьемъ со стороны христіанскихъ монастырскихъ лѣтописателей, какому подверглось, понятное нашимъ до христіанскимъ нестарамъ и ни у какихъ лѣтописцевъ въ

[1]) Значенье слова «нестаръ» объяснено ниже.

мірѣ ими не занятое, древнее русское имя *Нарці* или *Нóрці*: извѣстно, что въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ спискахъ оно обращено въ «иновѣрци», а новѣйшій изслѣдователь Гедеоновъ предлагаетъ читать вмѣсто него «Новгородци.»

Удивительно-ли, что до подобныхъ нелѣпостей могутъ доходить произвольныя догадки? А между тѣмъ мы должны почтить вѣчною признательностью нашихъ древнихъ нестаровъ за сохраненныя ими для потомства драгоцѣнныя слова: «Языкъ Словенѣскъ (отъ племени Афстова) — *Нарці, еже суть Словѣне.*» Это — не сокрушимый памятникъ, свидѣтельствующій о томъ, что Славяне до позднѣйшей эпохи хранили преданіе о своемъ благородномъ происхожденіи. Слово Нара (354) означаетъ въ Вѣдѣ „человѣка исключительно арійской расы"; приставка *сі* (715)—земля. Отсюда *Нарці* или, по закону нашего окающаго говора, *Нóрці* значитъ: нары, люди арійской земли. Тоже значеніе останется за словомъ, если вмѣсто *сі* поставимъ *сцу* (666) — раждающая, мать.

Съ приставочною частицею *аті* (13), означающею огромное размноженіе, образуется слово *нарâті*, откуда, по закону акающаго говора, наше *нарóдъ*. Памятниками *нара* остались также многія производныя слова:

Сербское *нарав*, наше *нóравъ*, сокр. *нравъ*, означаетъ образъ поведенія нара, человѣка; отсюда отвлеченное: нравственность — достоинство поведенія, свойственнаго нару. *Наравить* — потакать, поближать характеру нара.

У древнихъ чеховъ пеня за убійство называлась *нарòкъ* [1]), отъ *нара* и гомонимовъ: *га* (747)—кровь, смерть, и *гâ* (752) — освободиться, избавиться: *нарага, нарóк* —

[1]) Лелевель у Маціовск. Sl. Rg. II, 34.

освободиться денежною пенею отъ мести или казни за пролитую кровь нара.

Наши слова:

а) *нарачи́тый* означаетъ знаменитый, отличный, отъ нара и приставки *джіт, чіт* (268) — побѣдитель, или *чітта* отъ *чіт* (245) — видный, замѣтный;

б) *наро́чный* — посланный человѣкъ, отъ нара и *чі* (245) — посылать;

в) *нарачито* — обильно, велико, отъ нара и *чіті* (246) — куча, накопленіе.

Это же слово лежитъ въ основѣ имени *Норвегія*: *нарвакіа, нар-вакас* (573, 560) — рѣчь, слово, нары; *нар-вага* (572) — дарога, рѣчной путь наръ. Тутъ мы видимъ указаніе на первоначальное, древнѣйшее направленіе къ сѣверу европейскихъ наръ, т. е. Славянъ, какъ это подтверждается ниже разъясненьемъ имени Днѣпра «Славутичъ.»

Если Русскій народъ — то, что есть не только по плоти и крови, но по мысли и языку; то мы должны держаться своего мѣста между нашими истыми родичами, между народами Индіи и Персіи, Греціи и Италіи, а не между кочевыми скиѳскими ордами Геродота. Прахъ нашихъ истинныхъ предковъ, нарцевъ священной Вѣды, покоится въ землѣ того центральнаго отечества, откуда эмигрировали, болѣе чѣмъ за пятьнадцать вѣковъ до нашей эры, племена, принесшіе въ Индію языкъ Вѣдъ, на берега Эгейскаго моря — языкъ гомеровыхъ поэмъ, а на берега Синяго моря и Днѣпра-Славутича—древнія имена его пароговъ и языкъ на столько развитый и вѣрный санскриту, что, даже по прошествіи множества столѣтій, для воплощенія въ немъ высокихъ евангельскихъ истинъ, не понадобилось никакихъ

заимствованій изъ чуждыхъ языковъ. Святость, церьковь, вѣра, упованіе, покаяніе, крещеніе, причащеніе и проч., — развѣ всѣмъ этимъ словамъ былъ навязанъ насильственный смыслъ, не вызываемый ихъ древнимъ этимологическимъ значеньемъ? Развѣ предки наши, пока «питались отъ своихъ стадъ», кочуя по степямъ, запрятали въ арбахъ, на продолжительный періодъ, то множество словъ, означающихъ мучную и другую пищу, которыя тожественны санскритскимъ, и потомъ, когда пробилъ часъ — быть имъ осѣдлыми и земледѣльцами, они повытаскали изъ кибитокъ эти слова съ ихъ значеньемъ и идеями?..... Или не отъ «чужеземнаго ли» вліянія, т. е. не изъ греческихъ ли колоній Черноморскаго побережья Русскіе позаимствовали свои блины, вареники и проч. національныя кушанья, прототипы которыхъ въ санскритѣ? До подобныхъ нелѣпостей Геродотъ легко можетъ доводить тѣхъ историковъ, которые забываютъ принципъ: si monumentum quaeris, circumspice.

Всѣ разысканія Иловайскаго о началѣ Руси проникнуты мыслію, что главный и постоянный врагъ исторіи, какъ науки, это — „элементъ вымысла, басни, съ которымъ ей приходится бороться отъ самыхъ древнѣйшихъ до самыхъ новѣйшихъ временъ. Этотъ элементъ такъ переплетается съ источниками собственно историческими, что часто нужны величайшія усилія, чтобъ выдѣлить ихъ“. И онъ дѣйствительно выдѣляетъ изъ исторіи «лѣтописныя басни о Варягахъ», какъ онъ выражается въ предисловіи къ своимъ «разысканіямъ». Вотъ съ такой именно точки зрѣнія и кажется такимъ историкамъ невозможнымъ, напримѣръ, имя какого нибудь Днѣпровскаго порога въ повелительномъ наклоненіи. Это походитъ на то, какъ если бы какой нибудь

естествоиспытатель утверждалъ, что постоянный врагъ естествознанія — встрѣчающіяся въ природѣ аномаліи, не согласныя съ признанною авторитетами системою естественныхъ наукъ. Былина, старинка, легенда, басня наилучшимъ образомъ освѣщаютъ факты древней эпохи, изъ которыхъ послѣдующіе такъ называемые «историческіе» выростаютъ, какъ дерево изъ сѣмени. Безъ Гомера и Тита Ливія нѣтъ мѣста Ѳукидиду и Тациту; безъ греческой миѳологіи мы не понимали бы жизни и духа древней Греціи; прекрасная Эллада была бы прекраснымъ трупомъ, годнымъ для экзерциціи анатомическаго ножа историковъ той школы, къ которой, кажется, принадлежитъ Иловайскій, судя по принципамъ, которые онъ порой высказываетъ. Одни, по выраженью Бестужева Рюмина, видятъ въ исторіи богатый арсеналъ для игры въ умственный кастетъ; другіе же, въ полномъ смыслѣ историки, ищутъ въ ней раскрытія народнаго самосознанья, которое никогда не возникаетъ изъ однихъ вещественныхъ остатковъ быта. У первыхъ исторія— календарь достопамятныхъ событій, кунсткамера добытыхъ раскопками монетъ, сережекъ, браслетовъ. Полюбопытствуйте спросить, что́ они видѣли въ этой кунсткамерѣ? и конечно получите въ отвѣтъ: Норманновъ да Черныхъ и Бѣлыхъ Болгаръ. «А видѣли-ль Русь? — Да развѣ тамъ она?» Тамъ. — Ну виноваты: Руси-то мы и не примѣтили.

Да и какъ примѣтить, когда всѣ наивныя сказанія народа, вѣющія духомъ его жизни, зачисляются въ область басней, недостойныхъ вниманія исторіи? Еще прежде, чѣмъ судьба намѣтила рожденье почивающихъ въ кіевскихъ пещерахъ иноковъ Нестора и Ильи Муромца, на святой Руси уже существовали нестары повѣствователи и бойцы

за ея самостоятельную жизнь. Именемъ *нестар* (380) древній русскій языкъ, отражающійся въ своемъ зеркалѣ — санскритѣ, назвалъ: вождей и вѣдійскихъ жрецовъ; первые олицетворены въ Ильѣ Муромцѣ и прочихъ богатыряхъ, а послѣдніе — въ разныхъ жреческихъ *читіяхъ* [1]) и былинахъ. Образчикъ послѣднихъ, слегка подновленный христіанскимъ вліяніемъ, уцѣлѣлъ до нашего времени въ Словѣ о полку Игоревѣ, которое, по языку и содержанію, принадлежало къ циклу былинъ, вращавшихся въ кругу княжеской дружины, т. е. тогдашняго высшаго класса общества. Пѣвецъ обращается не къ братіямъ, въ христіанскомъ смыслѣ слова, а къ *пратанін*, *братна* (431, 467)—свѣтлымъ, величественнымъ, и къ *пратіхаїа* (431)— къ княжескимъ мужамъ, къ принадлежащимъ къ княжеской охранной дружинѣ. Языкъ этой былины вовсе не подражанье церковнославянскому, а драгоцѣнный памятникъ древняго русскаго классическаго языка. Если еще и теперь повторяется въ сказкахъ, на древнемъ русскомъ языкѣ, извѣстная *читїа*: «баба яга кастяная нага» и т. д., то сколько же ихъ обращалось въ народѣ за тысячу лѣтъ предъ симъ? Тогда значенье этой читійи сознавалось: это — «грѣхъ съ жертвоприношеньемъ ѣдетъ на жертвенныхъ дровахъ» и т. д. Или другая читїа, въ формѣ поговорки: «Смерти *саваномъ* не ублажишь», то есть не умолишь, не умилостивишь, не отвратишь. Здѣсь, за этимъ словомъ, безсознательно сохраняется древнее значенье *савана* (701)—жертва; потому что если подъ нимъ разумѣть долгую полотняную рубаху, которая теперь надѣвается на покойника, то поговорка является безсмыслицей.

[1]) Слово это объяснено ниже.

Пріемниками до-христіанскихъ нестаровъ явились черноризцы, которые, подъ предводительствомъ византійцевъ, усердно принялись истреблять всѣ слѣды язычества; взялись извлечь изъ читій и былинъ древнѣйшія сказанія о Руси, указывая, какими варварами была Русь до просвѣщенія ея христіанствомъ, и подъ руководствомъ греческихъ хроникъ, началось составленье монастырскихъ записокъ, подъ нарицательнымъ именемъ древняго языческаго нестара, образъ котораго и выраженъ конкретно въ лицѣ черноризца печерскаго монастыря Нестора. Какъ нестары, баяны, бандуристы были типами умственной жизни Руси въ миѳическую эпоху; такъ Ильи Муромцы и другіе богатыри—типы ея боевой и политически слагающейся общественной жизни въ ту же эпоху.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Максъ Мюллеръ высказалъ мысль о необыкновенномъ богатствѣ древняго арійскаго языка синонимами и гомонимами, и о характерѣ арійской миѳической эпохи, зависящемъ отъ этого факта. Развивъ эту мысль въ особой главѣ нашего сочиненья, мы ограничимся здѣсь краткимъ замѣчаньемъ, что она подтверждается сохранившимися до нашего времени письменными памятникати санскрита, въ которомъ есть по пятидесяти, быть можетъ и болѣе словъ, означающихъ одинъ и тотъже предметъ, напримѣръ море: это *синонимы*. Съ другой стороны, множество различныхъ, предметовъ именуются тожественными или со звучными словами: это *гомонимы*. Въ настоящемъ изслѣдованьи фактъ этотъ заслуживаетъ величайшаго вниманья. Русь-славянскій народъ заселилъ часть восточной Европы въ ту отдаленную миѳическую эпоху, когда онъ еще живо сознавалъ значенье и смыслъ корней первобытнаго арійскаго языка, и создавалъ изъ нихъ сложныя слова также

свободно и самостоятельно, какъ и санскритъ. Возьмемъ напримѣръ стихъ изъ народной пѣсни:

Тамъ на дунаѣ да на бережкѣ,
Стоитъ *сосна*, *сосна-зеленая* [1]).

Какъ образовалось слово *сосна*, которой нѣтъ въ жаркомъ климатѣ? Эпитетъ *зеленый*, въ приложеньи къ соснѣ, означаетъ-ли одинъ только цвѣтъ? Слово „сосна" происходитъ отъ сôснуйê (731), корень котораго *сну* (738) сочася капать. „Зеленый" произошло отъ сложнаго *цала* или *зала-нага*, изъ которыхъ первое (640) означаетъ стрѣльчатый стволъ, а второе (351) — дерево. Такимъ образомъ смыслъ словъ: зеленая сосна — слѣдующій: стрѣльчато-ствольное дерево капельно-сочащееся. Эпитетъ *зеленый*, въ значеніи молодаго, незрѣлаго, имѣетъ уже другое производство: *Зала* (266) — почка, нераскрывшійся цвѣтъ; *наїа* (359) отъ нї (377) — выводить, выносить, приносить; зелёный — приносящій, выводящій не раскрывшійся цвѣтъ, почку.

Русское слово: *сударя* сложено изъ *су* и *дара*, что значитъ: пригожая женщина, и въ этомъ значеніи вполнѣ соотвѣтствуетъ санскритскому *сундара*. Но отъ него неправильно произведено, конечно, въ періодъ утраты сознанія значенія словъ, муж. рода слово „сударь". Параллель этому представляютъ слова: русское *Вдова* и латинское vidua, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ санскритскому *відава*, что значитъ: потерявшая мужа, безмужняя; а между тѣмъ отъ нихъ произведены слова муж. рода: вдовецъ, viduus.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Русь-Славяне вынесли изъ своей первобытной родины синонимическое и гомонимическое богатство древняго языка, и часто слова его безсознательно

[1]) Шейнъ, Рус. нар. п., голос. № 88.

употребляемыя, стоя рядомъ со своими понятными народу синонимами, служили историческими памятниками, *чітіїами*, вызывавшими воспоминаніе о древней родинѣ. Синонимы долго уживаются другъ подлѣ друга, по видимому, безъ всякой надобности, до позднѣйшаго времени. Такъ, въ нашемъ народномъ творчествѣ до сихъ поръ мы слышимъ отголоски древняго арійскаго обычая одинъ и тотъ же предметъ живописать двумя тоже значащими словами: путь-дорога, чадо-дитя, заря-свѣтъ, харошъ-пригожъ, милый-любимый, кручиниться-печалиться, тоска-печаль и проч.

Очистилъ де старой казакъ Илья Муромецъ,
Путь-дороженьку да широку,
Ко этому ко городуко Кіеву.

Оставалося да *чадо милое*,
Ай милоё *дитя* да что *любимое*. [1])

Заря-свѣтъ запала,
Мьгла поля покрыла. Сл. о плк. Игор.

Ай *закручинился* тутъ князь да *запечалился*,
Еще той *тоской-печалью* онъ великою. [2]).

Въ этихъ примѣрахъ оба синонима сознаются говорящими, потому что употребляются въ рѣчи и отдѣльно одинъ отъ другаго. Въ другихъ же случаяхъ сознаніе значенья одного изъ синонимовъ утрачивается говорящимъ, и тогда, такой синонимъ рѣдко употребляется безъ другаго:

Какъ спроговоритъ Добринюшка Микитичъ есть:
„Ай же ты *калика перехожая*!
Ты откуль идешь откуль путь держишь?“
Я иду-то со города со Кіева.
„Ай же ты *калика перехожая!*
Ужъ дай-ка мнѣ-ка свое платьицо,
Платьицо черноё да дай каличьеё,
Ай каличьеё да клюху желѣзную.“

Ай и царь Констянтинъ Боголюбовичъ,
Онъ де скоро выходилъ на широкій дворъ:
Ужъ ты, батюшко, *калика перехожая!*
Да изволь итти въ палату бѣлокаменну,
Напою я накормлю хлѣбомъ солію... [3])

[1]) Гильфердингъ, Онежскія былины, стр. 651, 215.
[2]) Онежск. был., 327.
[3]) Ibid. 1123.

Изъ словъ: „калика перехожая“—первое намъ непонятно, и о значеньи его мы догадываемся только по второму. Съ точки зрѣнья Константина Багрянороднаго, первое слово можно назвать *русскимъ*, а второе, объяснительное и употребительное, *славянскимъ*. Между тѣмъ оба эти слова—синонимы, и находятъ свое зеркало въ санскритѣ:

а) Кор. *Кал.* (24)—переходить, странствовать, шататься;

приставка: *іг*, *іга* (520,91)—освящать въ семъ мірѣ жертвою;

поэтому *каліга*, *каліка*—переходящій отъ одного святаго мѣста къ другому—благочестивый странникъ.

б) Кор. *Хад'* (194)—ходить.

Суф. *Пере* (423)—движенье съ одного мѣста на другое, переходъ.

Значитъ *кал*, и *переход'* и производныя отъ нихъ: *калика* и *перехожая* — синонимы, причемъ послѣдній въ женск. родѣ, согласно окончанію предидущаго на *а*, хотя предметъ, по значенью, мужескаго рода. Такимъ образомъ *каліка* есть древній памятникъ, а стоящій при немъ синонимъ — его истолкователь.

Родина миѳическаго Ильи Муромца была переполнена, въ древнѣйшую эпоху, странниками вѣдійской религіи, то есть каликами перехожими, которые, какъ мы видѣли изъ стиховъ былины, носили *черную одежду*. Названіе *каліка* было истолковано Геродоту въ смыслѣ гомонима *кâлікâ* (160), что́ значитъ черный цвѣтъ. Отсюда-то и явились у историка-географа скиѳы подъ именемъ *Меланхлэновъ*, т. э. черноризцевъ. Другимъ поводомъ къ этому названью могло

послужить самое имя родины Ильи Муромца:

Я есть города *отъ Муромля*,
А села да Карачарова,
А Илья да сынъ Ивановичъ . . .

(Онеж. был. стр. 20).

Муромль не иное что́, какъ легкое измѣненье санскритскаго *Мураньила:* кор. *Мур* (510) — одѣваться; *аньила* (74) — темный, мрачный, и отсюда — тёмныя одежды. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ санскритѣ Мураньила (510) есть собственное имя неизвѣстной страны, но лежавшей въ направленьи къ сѣв. зап. отъ Индустана.

Да по кабаку каліка похаживаетъ,
Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
Да и ой же *чумаки* вы *цѣловальники!*
Да *повѣрьте* мнѣ вина вы на пятьсотъ рублей" . . . . [1]).

Чумакъ и *цѣловальникъ* — синонимы.

а) Кор. *Чум'* (249) — даватъ и принимать цѣлованье, [2]) *чум'аки* — цѣлующій, цѣловальникъ; отсюда русское и сербское слово: *чмокать* и *цмокать* — цѣловать.

б) *Цѣловать* отъ *Цул*, *цэўлаїами* (249) — омывать, откуда *цалука* (242), *цулука* (249), означаетъ омыванье устъ водою, и потомъ *цал*, *цаламі* (241) — подходить къ цѣлованью священнаго предмета. Значитъ, *цѣлованье* ведетъ свое начало отъ религіознаго обряда (69). Христіанство воспользовалось этимъ древнимъ арійскимъ уставомъ, и замѣнило цѣлованье языческой святыни христіанскою.

Такимъ образомъ древнее слово *чумакъ* сохранилось

---

[1]) Онеж. был., 1120.

[2]) 20-я санскр. буква च при переходѣ словъ, въ которыхъ она находится, въ русскій языкъ, очень часто обращается въ *ч* и сродныя съ нею звуки нашего языка.

въ былинѣ вмѣстѣ со своимъ объяснительнымъ синонимомъ *цѣловальникъ*.

На Украинѣ до позднѣйшаго времени существовалъ *чумацкій* извозный промыселъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, онъ установился на Руси еще въ дохристіанскій періодъ, когда, вмѣстѣ съ врученьемъ товара, требовался клятвенный обрядъ въ вѣрности доставки, откуда и происходитъ названіе извощиковъ *чумаками*. Они доставляли съ Дону черезъ степи преимущественно тарань и другую рыбу и соль: великую важность для Руси имѣло обладанье устьемъ Дона и приазовьемъ. Объ Игорѣ и Всеволодѣ Святославичахъ, въ XII в., пѣвецъ былины говоритъ: „Се бо два сокола слѣтеста съ отьня стола злата поискати града Тьмутараканя, а любо испити шоломомъ Дону.“

Какъ у насъ во Индѣи во богатоей
Мостики у насъ-то все *калиновы* . . [1])

Мосты калиновы: слова эти — синонимы: первое, можно назвать славянскимъ, а второе — русскимъ; первое истолкователь втораго непонятнаго, обратившагося въ Эпитетъ, въ прилагательное къ первому:

а) Кор. *Ма'* (485) — толочь, укалачивать;

прист: *Стак* (733) — отбивать, отдавать ударъ за ударъ;

по этому *Мастак'*, *мóстъ* значитъ уколоченная или, по-технически, утрамбованная земля.

б) *Кала* (203) — уравненная и уколоченная земля;

Прист. кор. *ін'* (91) — ходить, ѣздить; по этому *калін'*, *каліновы* — уравненная, утрамбованная земля для ходьбы и ѣзды.

По утратѣ сознанья этимологическаго значенья слова

[1]) Онежск. был., 122.

мо́стъ, какъ утрамбованной земли, синонимическій эпитетъ къ нему *калиновы* совпалъ съ гомонимомъ послѣдняго *галі́на* или *калі́на* (750), спеціально означающимъ: индійскій дубъ. Вслѣдствіе этого *мосты калиновы* въ былинахъ принимаютъ значенье дубовыхъ мостовыхъ или мостовъ.

Да зашла эта силушка Никулушкина
А на эти мосточки на *калиновы*,
А подломились тѣ мосточки да *калиновые*
А калиновы мосточки фальшивые,
А погинуло тутъ силушки да много той . . .

Въ варіантѣ этой былины читаемъ:

А тыи мужики да вѣдь орѣховцы,
А на тыхъ на рѣченькахъ на быстрыихъ.
Ай подрѣзали мосты да всѣ *дубовые*,
Потопили много силы да Во́льгиной . . . [1])

Итакъ по терминологіи Константина, *каліна* — русское слово, а *дубъ* — славянское.

Примѣч. Первый лѣсъ, занятый на Руси нашими миѳическими предками колонизаторами, былъ, надо полагать, дубовый, и слово *дубъ*, изъ общаго значенья дерева, позднѣе спеціализировалось въ настоящее его значенье. Это видно изъ санскр. *Да̂ва* (318) — лѣсъ; тутъ, по закону акающей системы, долгое *а* перешло у насъ въ *у*, а *в* въ *б*: *дуб* по сербски означаетъ дерево вообще и спеціально дубъ. Наше слово *дубрава*, означающее лѣсъ, находитъ себѣ въ санскритѣ слѣдующее разъясненье: *Да̂ва* — лѣсъ, *Рава* (535) — зыкъ, вой, шумъ: лѣсной шумъ или шумный лѣсъ; „Дуб*рава шумитъ*."

Бѣлый и *цвѣтъ*.

Это синонимы: *Балаха* (461) — бѣлизна; *Цве́та* (664)

[1]) Ibid., 227, 297.

— бѣлизна, бѣлый цвѣтъ. Первый синонимъ, утративъ этимологическій смыслъ въ сознаніи народа, обратился въ эпитетъ втораго.

Сві, свѣтѣ (664) — бѣлѣть;

Сві, прич. прош. *суна* (664) — расширяться, раздвигаться, разростаться; глаголъ этотъ прилагается къ зарѣ, къ разсвѣту: „*уза асвѣт*“ — заря расширяется, раздвигается. Вслѣдствіе смѣшенья гомонимовъ: *світ* и *сві*, произошло, что эпитетъ *бѣлый* прилагается у насъ не только къ цвѣту, но и къ *свѣту*, поднебесью, міру: „не жилица я на бѣломъ свѣтѣ“.

Отъ *уза* — заря, *узра* — лучъ свѣта, происходитъ наше *узорз* — разноцвѣтные разводы, и *узорачье* — всякія разно цвѣтныя ткани, шелковыя и парчевыя матеріи.

Бѣлый и *Царь* —

это синонимы:

Бала (461) — сила, мужество, отвага; могучій;

Цара (710) — сила, мужество, отвага; знаменитый; благій.

Первое слово, утративъ этимологическій смыслъ въ народномъ сознаніи, обратилось въ эпитетъ втораго. Не входя здѣсь въ историческія подробности развитія въ миѳическую эпоху идеи *бала*, какъ владыки, князя, царя, скажу только о результатѣ моего розысканія. Постоянный эпитетъ князя Владиміра-солнышка есть древнее русское слово *ласковый;* а оно не иное что, какъ синонимъ токого же древняго слова *камана* (141). *Бала-камана*, въ теченіе вѣковъ, обратилося въ безсознательный эпитетъ: *бѣлокаменная* палата (палатка); *бѣлокаменная* Москва, хотя въ ней

было чуть-ли не сплошь да рядомъ огромное число деревянныхъ домовъ.

Ужъ какъ *солнышко* Владиміръ стольнё-Кіевскій,
Что-ль татарину да кланялся,
Звалъ онъ тутъ въ великое *гостебище*,
На свое было велико пированьице,
Во свои было *палаты бѣлокаменны.* [1])

Не мало оказывается примѣровъ и такого древняго арійскаго или русскаго сочетанья синонимовъ, въ которыхъ одинъ изъ нихъ, сдѣлавшись, съ теченьемъ вѣковъ, непонятнымъ, обращается въ собственное имя, для отличія означаемаго имъ предмета отъ другихъ, съ нимъ сходныхъ. Такъ *Ока, Рѣка, Двина* — синонимы.

1. а) Ôк'а (129) значитъ рѣка, притокъ; въ составъ этого слова вошли: ô отъ *ік'* (94) — двигаться, и итти къ чему и *ка* (132) — вода: *ока* — водяной путь;

б) Малорусское *ріка*, великорус—*рѣка* отъ *Рî* (542)— итти, *ка* (132) — вода: водяной путь.

Слѣдуя примѣру Константина, *Ока* русское слово, обратившееся въ собственное имя, а *рѣка* — славянское.

в) *Двêна, двîна* (348), какъ цѣльное слово, означаетъ въ санскритѣ рѣку, притокъ; происходитъ же оно отъ корня: *Двê* (348) — пить и прист. *на* (351) — даръ; по этому собственное значенье слова — даръ для питья; но санскритъ придаетъ ему значенье нарицательнаго имени: рѣка. По Константиновой терминологіи, *Двîна* — русское названіе, обратившееся въ собств. имя, а *рѣка* — славянское.

2. *Балâга* (462), какъ цѣльное слово, въ санскритѣ означаетъ: вода; образовалось-же оно изъ:

а) *Бал, балаіїе* (461) — жить, существовать;

---

[1]) Онежск. был. стр. 22.

б) вставка или серединка â (при. у);

в) прихвостье или приставки *Га* (747) — вода.

По этому *бал-а-га* означаетъ существованье, кормленье при водѣ, отъ воды. Это крайній на сѣверѣ предѣлъ: вода, по которой древнѣйшіе колонисты еще не рѣшались пролагать путей, плавать; но съ теченьемъ времени по ней началось плаванье на ближайшіе острова, отчего она стала *Море*, лат. *mare*, которое произошло отъ:

Ма (483) — вода, *Рі* или Реў (540, 545) — ходить, плавать; слѣдовательно mare, *мòре* значитъ водяной путь. По закону акающаго говора, у насъ первый слогъ *ма* обратился въ *мо*. Утраченное сознанье этимологическаго значенья *балага* обратило это слово въ собственное имя *Бѣлое*. И тутъ *балага*, по взгляду Константина, русское названье, а *море* — славянское.

Істръ и *Дунай* — синонимы [1]).

Первое имя у Гекатэя, за пять вѣковъ до нашей эры, является въ формѣ *Істрос*; у Геродота, за четыре съ половиною вѣка, — *Істер*; у Страбона, въ I вѣкѣ, *Іструс*, и затѣмъ уже *Істер*. Этимологическое образованіе его слѣдующее:

а) *Іса* (92) — владыка, господинъ. Это вмѣстѣ съ тѣмъ эпитетъ Сивы, обожаніе котораго есть древнѣйшій арійскій культъ, бывшій въ постоянной борьбѣ съ Вішнуізмомъ и съ другими, въ теченьѣ вѣковъ произшедшими измѣненьями въ религіозномъ вѣдійскомъ міросозерцаніи. Корень этого слова *Іс* (92) — владычествовать, господствовать; повелѣвать, царствовать.

---

[1]) Spuneri Atlas antiquus.

б) *Тара* (286) — путь, переѣздъ, и *Га* (747) — вода; откуда: *тарага*, по закону акающаго говора, есть русское *дарóга* — водяной путь. По этому формы: *Істарага, Істара, Істер*, означаютъ: владыка водяной дароги, водянаго переѣзда. Замѣтимъ здѣсь, что изъ всѣхъ европейскихъ арійскихъ языковъ, въ однихъ только славянскихъ нарѣчіяхъ, а изъ послѣднихъ въ одномъ только русскомъ, малорусскомъ и литовскомъ сохранилось, въ санскритскомъ полногласіи, слово дарога въ значеньи пути вообще; а глаголъ *таритъ* — прокладывать путь, въ соотвѣтствіе санскритскому *тараіїамі*, только и существуетъ въ одномъ русскомъ языкѣ. Сербское *тарица* — мощенная улица.

По этимъ даннымъ, мы признаемъ имя *Істар* древнимъ русскимъ, обращеннымъ въ греческое *Істрос*. Въ другомъ мѣстѣ, въ анализѣ миѳа о походѣ Аргонавтовъ, мы укажемъ и на другія похищенія у Руссовъ, выданныя за греческіе миѳы.

Имя *Дуная* появляется въ Греко-латинской географіи только со временъ Римской имперіи; но оно весьма древнее, древнѣе самой этой географіи, потому что происходитъ отъ древняго арійскаго нарицательнаго имени, служившаго основою собственному.

а) *Дуні* (346) — рѣка; б) *Ав* (51) — владычествовать, господствовать; владѣть; охватывать, обнимать. По этому *Дунав*, *Дунаў*, *Дунай* значитъ: властители, господа всей рѣки [1]).

Латинское Danubius есть только тожественная перифраза этого-же имени, отъ *Дâну* (317) — завоеватель и

[1]) «Татарове же гнали ихъ до *Дунавы* рѣки». Изборн. сочиненій внесенныхъ въ хронографы А. Попова.

Паїас (388) — вóды: *Данупаїас*, въ формѣ Danubius, значитъ: завоеватель, властитель водъ.

О новгородцѣ Васильѣ Буслаевичѣ поется въ былинѣ:

И говоритъ то нонь Василій да Буслаевичъ:
«Ай же вы дружье братьё хороброё,
Садитесь-ко на насады черленые,
Поѣдемте по славному *Верязжскому*!» [1])

Здѣсь, безъ всякаго сомнѣнья, разумѣется *Варяжское, Варяги*, знаменитый *Варяжскій* путь, начинавшійся нынѣшнимъ Балтійскимъ моремъ:

а) «Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки», говоритъ нашъ нестаръ: по морю *Варяжскому* итти до Рима, а отъ Рима притти *по тому-же* (Варяжскому) *морю* къ Царю-городу, а отъ Царяграда притти въ *Понтъ* море «въ не же втечетъ Днѣпръ рѣка», и

б) «Бѣ путь изъ Грекъ» по Днѣпру и вверхъ Днѣпра по Ловати, Ильменю Волхову и Нево, «устье котораго внидетъ въ море *Варяжское.*»

в) «А Двина изъ Оковьскаго лѣса потечетъ..... и внидетъ въ *море Варяжское*.... Тѣмъ же изъ *Руси* можетъ итти по Двинѣ въ *Варяги*, изъ *Варягъ до Рима*».

Варягъ, Варяжь,—синонимы *моря*; этимологическое значенье послѣдняго мы уже объяснили.

Вâр (577) — значитъ вода; прист. *Аг* (7) — итти извилиною. Поэтому *Вâраг* означаетъ водяной путь вдоль берега или море.

Вâрагін (577) — море, и составъ слова слѣдующій: *Вâр* — вода, прист. *кі* или *гі* (163)—извѣдывать, пытать,

[1]) Гильфердингъ ,Онежск. был., стр. 218.

поискивать, т. е. водяное разысканіе, поискъ; а съ прист. *іш* (90) — итти, проникать, *Варіш* означаетъ водяной путь.

Вараг, *Варіш*, съ утратою сознанья этимологическаго значенья этого слова, обратилось въ эпитетъ и собственное имя своего синонима — *море*: *Варяжское море*, путь котораго, начинаясь Балтійскимъ, непрерывно тянулся до Грекъ, т. е. до Царьграда и Понтьскимъ моремъ, «еже море словеть Руськое», до устьевъ Днѣпра. Въ позднѣйшую эпоху, Швеція какъ бы китайскою стѣною загородила этотъ древній путь Руси; геній Петра Великаго постигъ ея права; стѣна не устояла противъ его богатырьскихъ усилій, и древній путь опять сталъ открытымъ для Руси.

Слова: *Вâраг*, въ которомъ, по свойству русскаго языка, *г* переходитъ въ *ж* (другъ-дружескій), и *Варіш* имѣетъ еще другіе синонимы-гомонимы, въ которыхъ легкое измѣненье значенія зависитъ отъ приставокъ, а именно: а) *îті* (92) — путешествовать въ чужую страну, и тогда *Вâріті* — водяной путь въ чужую страну и б) *îг* (93 — направляться куда либо, шествовать въ извѣстное мѣсто, и потому *Вâріг* — значитъ водяной путь къ извѣстному мѣсту.

Мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ нашего сочиненья о значеньи Кіева въ миѳическую эпоху Руси; теперь же замѣтимъ только, что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью фактъ существованья христіанства въ Кіевѣ и на Руси за много вѣковъ до офиціальнаго признанья въ ней христіанской вѣры государственною. Поэтому нельзя не вѣрить сохраненному лѣтописью древнему преданью объ освященіи Варяжскаго пути путешествіемъ въ Римъ св. апостола Андрея: «Ондрѣю учащу въ Синопіи и пришед-

щю ему въ Корсунь, увидѣ, яко изъ Корсуня близъ устье Днѣпрьское, въсхотѣ прійти въ Римъ и приде въ устьѣ Днѣпрьское; оттолѣ поидѣ по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идѣ же нынѣ Новгородъ .... Иде въ Варягі и приде въ Римъ. .... и бывъ въ Римѣ, приде въ Синопію.„ Конечно, изъ Царьграда Андрей совершилъ плаванье въ Синопію такъ, какъ и въ VI вѣкѣ посланникъ византійскаго императора Тиверія, отправлявшійся къ турецкому хану. Онъ отплылъ изъ Константинополя на *скороходныхъ олькадахъ*, вдоль азіятскаго берега до Синопа, а отсюда на сѣверъ по Херсонесу, и такимъ образомъ переплылъ Черное море въ самомъ узкомъ его мѣстѣ [1]). *Олькада* не греческое слово, а арійское или древнее русское, объяснимое изъ санскритскихъ *ôл* (130) — водяной и *кадака* (138) — палатка, т. е. водяная палатка или парусная лодка.

Послѣ заключенія мира съ византійскимъ Императоромъ, во второй половинѣ X вѣка, нашъ древній герой Святославъ отправился домой, въ Русь, по описанному въ лѣтописи Варяжскому пути: изъ Понта моря вверхъ по Днѣпру. „Святославъ поиде въ ладьяхъ къ порогамъ . . . Слышавше же Печенѣзи, заступиша пороги, и приде Святославъ къ порогамъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ, и ста зимовати въ *Бѣлобережьи*.“

Бѣлобережье — безсознательное звукоподраженье сознательному этимологическому значенью составляющихъ его словъ: *Балаїе* (461) — жить и *Парага* (407) — выходъ на берегъ: *балаїе-парага* — житье на берегу, при чемъ

---

[1]) Разысканія Илов., 85.

па, въ силу ударенья, перешло у насъ въ *бе́*, а гортанное *г* въ сродное *ж*.

О дѣятельномъ движеньи по описанному въ лѣтописи варяжскому пути свидѣтельствуетъ также Масуди, мусульманскій писатель X вѣка. „Русы, говоритъ онъ, путешествуютъ въ страну Андалусъ (Испанію), Римъ, Константинополь и Хазаръ [1]." Послѣдній путь былъ Волгою, о чемъ говоритъ и наша лѣтопись: „Изъ Оковскаго лѣса потече Волга на востокъ, и втечетъ семьюдесятъ жерелъ въ море Хвалисьское. Тѣмъ же *изъ Руси* можетъ ити и въ Болгары и въ Хвалисы" . . . .

На страницахъ исторіи записаны необыкновенно отважные подвиги русскихъ казаковъ на сушѣ и на Черномъ морѣ, куда они умѣли пробираться по Дону и Днѣпру, подъ пушками турокъ и среди охранной татарской стражи. Всякій согласится съ тѣмъ, что такой народъ вскармливается и вспаивается не годами, а цѣлыми вѣками. Въ сумракѣ вѣковъ на Руси не разъ появлялись атаманы Васильи Буслаевичи, которые, собравши въ Новгородѣ или Ладогѣ дружину, пускались „по славному Варяжскому", и могли доходить до Царьграда. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ извѣстіи арабскихъ писателей, что „въ 844 г. язычники, именуемые *Русью*, разграбили Севилью." Латинскія средневѣковыя хроники обыкновенно обозначали этихъ морскихъ враговъ общимъ географическимъ терминомъ gentes nordmannorum, подъ который безъ сомнѣнья подходили и Васильи Буслаевичи съ своими дружинами; наша же партія норманнистовъ, съуживая этотъ терминъ,

[1]) Гаркови, Сказ. мусульм. пис., стр. 130.

непремѣнно хочетъ видѣть подъ нимъ однихъ сѣверогерманцевъ.

Судна въ былинѣ названы: *насады черленые*. Слово *насадъ* происходитъ отъ *Наў* (380) — корабль, ναῦς и *Садас* (674) — сѣдящая дружина, ватага. Насады имѣли высокіе, поднятые борты, защищавшіе отъ стрѣлъ, которыя могли быть пущены съ берега.

Что касается *черленыхъ*, то мы находимъ два соотвѣтственныхъ гомонима:

а) *Чар* (240) — двигаться туда и сюда; пробѣгать; переплывать; ѣсть;

Лэнь (556)—охватывать; посылать; по этому *чарлэнь*, *чéрленый* означаетъ: снующій, плавающій, туда и сюда для кормленья или по посылкѣ.

б) *Чâру* (244) — красивый, хорошій;

Ланг (550) — казаться;

чâрлан', *чéрленый* — красивый по виду, по наружности.

Предоставляемъ самимъ читателямъ судить о результатѣ, котораго добился Иловайскій въ своихъ „разысканіяхъ", по всевозможнымъ хроникамъ, о началѣ Руси: „Большая часть лѣтописныхъ извѣстій о *Варягахъ* на Руси въ IX и X вѣкѣ есть *плодъ домашнихъ вымысловъ*, ни чѣмъ не подтвержденныхъ. [1])"

Варяги — вовсе не плодъ домашнихъ вымысловъ, какъ угодно выразиться историку; существованье ихъ подтверждается важнѣйшимъ изъ всѣхъ историческихъ документовъ — языкомъ, и согласно съ нимъ, свидѣтельствомъ нашей древней лѣтописи. „Самые, по видимому не важные факты языка, говоритъ Максъ Мюллеръ, суть историческіе

[1]) Разыск. стр., 440.

факты, и требуютъ историческаго объясненія", а не увертки, подъ пустымъ предлогомъ „домашняго вымысла" фактовъ. Слово Варяги — гомонимъ, имѣющій широкое и тѣсное значенье, какъ терминъ миѳической географіи и какъ спеціальное означенье занятія. *Варяги* — древнее русское слово, гомонимъ, совершенно вѣрно отразившійся въ своемъ зеркалѣ — санскритѣ, въ которомъ *Вâрака, Вâракін* (577) означаетъ противниковъ, непріятелей, по закону акающаго говора: *вóраговъ, враговъ*; а второе слово, Варакін, кромѣ того, и море. Это — владыки *варяжскаго* водянаго пути (отъ Вâр (577) — вода), которые, подъ предводительствомъ атамановъ, въ родѣ Василіевъ Буслаевичей, разъѣзжали въ насадахъ по нашему рѣчному пути и по морямъ, брали окупы, дани съ поселеній, и за это оказывали имъ свою защиту и покровительство; а гдѣ имъ не давали, тамъ они — грабили. Это — тѣ же поляницы, только не въ степяхъ, а на водахъ. Выходили они и организовалисъ изъ среды южнорусскихъ прирѣчныхъ общинъ: Уличей, Тиверцевъ, Хорватовъ, Дулѣбовъ и вообще Велынянъ. Чтобъ избавить Новгородъ, оставшійся безъ князя, отъ ихъ нападеній, и дать защиту его морской и рѣчной торговлѣ, Олегъ „устави Варягомъ дань даять отъ Новгорода гривенъ 300 *мира дѣля*." И въ историческую уже эпоху развѣ не дѣлалось, что въ Запорожье посылались дары *мира дѣля*, или съ просьбой о помощи?

Всякій предметъ, знакъ, звукъ, служащій для вызова воспоминанія, для возбужденья вниманія, для пробужденья мысли, называется въ санскритѣ *Чітіїа* (246); наше слово *чатать* въ родствѣ съ *чітаїіамі* — возбуждатъ мысли Сообщенныя Константиномъ русскія имена Днѣпровскихъ

нароговъ суть *чітіи*, напоминающія древнее отечество, означаемое синонимическими именами: *Аріїа*, *Варагія*, *Русь* [1]). Истолкователями чітій служатъ стоящія рядомъ съ ними, болѣе употребительные и понятные, но тоже арійскіе или русскіе синонимы, которые у Константина названы славянскими. Какого нужно еще болѣе авторитетнаго свидѣтельства о томъ, что Русь и Славяне одноплеменный народъ? *Каліка* — это *чітіїа*, древнее русское, или арійское, или варяжское слово; а *перехожая* — истолкованіе, или, по Константину, славянское имя. Калікі былъ особый классъ древняго арійскаго общества, возникшій изъ вѣдійскаго вѣроученья, и, вмѣстѣ съ общимъ колонизаціоннымъ движеньемъ, перешедшій на Русь, также какъ и другія миѳическія религіозныя установленія, за многое множество вѣковъ до офиціальнаго введенія у насъ христіанства. Десятки вѣковъ прошли, а наши былины, въ устахъ народныхъ пѣвцовъ, хотя подновленныя христіанскими воззрѣніями, все еще вѣютъ духомъ глубоко древняго религіознаго міросозерцанія. — *Чумакъ*, *калиновы*, *Ока*, *Вâрагін* — тоже чітіи, со своими истолкователями *цѣловальникъ*, *мостъ*, *дубъ*, *рѣка*, *море*.

Намъ кажется, что нельзя не убѣдиться въ справедливости высказаннаго нами о значеніи, какое, на языкѣ Константина Богранороднаго, имѣютъ древнія русскія имена нароговъ, если мы приведемъ примѣръ, который въ полномъ нашемъ сочиненіи будетъ разъясненъ подробно. Санскр. слово *Наўгара* (352, 357) означаетъ вообще городъ; прист. *уда* (99) — вода; отсюда *Наўгараўда*, обратившееся позд-

[1]) Вопросъ этотъ разработанъ въ полномъ сочиненіи нашемъ „Зарницы Руси", въ главѣ: Миѳическія имена арійскихъ народовъ.

нѣе въ *Нѡвгарадъ*, съ славянскимъ толкованіемъ этого слова, значило: городъ при водахъ. По сказанью лѣтописи: „ти суть людье *Ноугородьци* отъ рода варяжска“, т. е. отъ тѣхъ арійскихъ или варяжскихъ Руссовъ, которымъ принадлежали также древнія русскія имена Днѣпровскихъ пароговъ, перешедшія въ славянскія такъ точно, какъ Наугараўда преобразилось въ Ноугородъ.

Синонимъ Наўгараўда — *Андрапаїіас*, сложное изъ
Ан (19) — жить,
Драпа (334) — городъ вообще;
Паїіас (388) — вода.

По этому слово это означаетъ: жилище въ городѣ при водахъ. Геродотъ же, вѣроятно по истолкованію олвійцевъ, принялъ *Андрапаїіас* тожественнымъ гомерову ἀνδροφάγος, тѣмъ болѣе, что арійское, русское, или санскр. *фага* (496) значитъ: кормиться, питаться. И вотъ, на основаньи этого слова, создался у грековъ миѳъ объ *Андрофагахъ*, т. е. людоѣдахъ на Руси — скиѳахъ самаго жестокаго нрава на отдаленномъ сѣверѣ, которые однакожъ, вѣроятно, имѣли торговыя дѣла съ Финикіянами, еще до Геродота посѣщавшими берега Балтійскаго моря. Такова-то сказочная скиѳская географія Геродота!

Другой примѣръ: Санскритское слово *Тівара* (294) значитъ вообще море и спеціально: рыболовы, откуда названіе Руссовъ, занимавшихся рыболовствомъ, *Тиверцы*; Геродотъ же, или тѣ ольвійцы, которые ему толковали слова, приняли это древнее имя за *Тавара* (291), что́ означаетъ тетиву лука, и перевели его на греческій языкъ словомъ

νευρά — тетива. Такъ явились у него Скиѳы подъ именемъ *Невровъ* [1]). Это показываетъ, что древнія арійскія или русскія нарицательныя имена обращались въ собственныя, а Греки замѣняли ихъ переводомъ на свой языкъ. Они дѣлали это не спроста; а съ тонкимъ разсчетомъ своей колоніальной политики: они, такъ сказать, вводили себя во владѣніе тѣмъ, что́ клеймили именемъ изъ своего языка. Въ теченіе вѣковъ накопившіяся въ нервной системѣ Руссовъ впечатленія греческаго лукавства, имѣвшаго свои стеоретипные пріемы въ сношеніяхъ съ такъ называемыми ими варварами, нашли свой синтезъ въ знаменательномъ изреченьи нашего нестара: „Суть бо Греци льстиви и до сего дне.“ Извѣстно, что и Римляне были очень невыгоднаго мнѣнія о греческой добросовѣстности. Въ VI вѣкѣ нашей эры, турецкій ханъ Турксантъ говоритъ послу византійскаго императора Тиверія: „Вы, римляне, съ разными народами употребляете десять разныхъ языковъ, и всѣ они суть: *одна и та же ложь.* [2]).

Русскіе купцы терпѣли въ Царьградѣ всяческія притѣсненія и даже нерѣдко были убиваемы. Это видно изъ бесѣдъ патріарха Фотія, переведенныхъ на русскій языкъ

---

[1]) Νευρά іонійск. νευρή — тетива лука. — Шафарикъ (Древн. чеш. изд., стр. 167) считаетъ *Невріс* греческимъ выговоромъ имени *Нуръ*, которое онъ придумалъ по аналогіи съ именемъ Сербь, Чудь и др, и производитъ его отъ *нур*, будто бы означавшаго въ идеальномъ старославянскомъ языкѣ землю. Конечно, чѣмъ глубже станемъ мы опускаться въ древность по славянскимъ нарѣчіямъ, тѣмъ ближе подойдемъ къ первобытному арійскому, а за неизвѣстностію его, къ санскр. языку, Но въ послѣднемъ языкѣ нѣтъ цѣльнаго слова *нур* въ значеньи земли, а если признать его сложнымъ, то оно будетъ означать: *ну* (377) — судно и *рі* (530. 542) движенье, плаванье, словомъ судоводство. что́ и соотвѣтствуетъ прирѣчному характеру Тиверцевъ.

[2]) Разысканія Илов., 86.

Порфиріемъ Успенскимъ. По поводу нападенія Руссовъ въ IX вѣкѣ, патріархъ говоритъ: «Варвары справедливо разсвирѣпѣли заумерщвленіе ихъ соплеменниковъ; ихъ привелъ къ намъ гнѣвъ ихъ»....

Въ древнемъ мірѣ Греки усѣяли своими колоніями всѣ берега Малой Азіи, и сдѣлались черезъ то эксплоататорами внутренней страны этого богатаго полуострова и неизбѣжными посредниками ея производителей. Тоже самое мѣтили они сдѣлать и на берегахъ Русскаго моря, или, по ихъ географической терминологіи, Понта Эвксипскаго. Отсюда борьба двухъ противниковъ, задернутая пеленою миѳическаго тумана и скиѳскаго мрака.

Для большаго еще убѣжденья читателя въ томъ, что основы, на которыхъ мы думаемъ утвердить наши разысканія о миѳическихъ временахъ Русь-Славянскаго народа и о зародившихся тамъ элементахъ послѣдующихъ политическихъ и бытовыхъ явленій его жизни, мы представляемъ здѣсь, по предлагаемой нами методѣ, объясненье отрывка изъ одной малорусской пѣсни. Она очень древняя, и на ея стародавнемъ фонѣ нарисованы образы болѣе позднихъ событій, заслонившихъ собою древнія. Она кажется понятною, но именно потому, что такою кажется, ея поэтическая красота остается сокровенною:

Козаченько вбитый лежить,
Кінь вороный у ноженькахъ,
Орелъ сизый въ головонькахъ...

За тѣмъ казакъ посылаетъ орла къ своей матери съ такою вѣстью:

Скажі: служить він у хана,
У крымскаго татаріна;
Да выслуживъ *королївоньку*,
Въ чистьимъ полі *могьилоньку*. [1])

Какая связь каролевны съ могилою? Не покажется-ли, что тутъ пустая игра въ риѳмы? а между тѣмъ тутъ игра древнихъ русскихъ словъ-гомонимовъ.

Гомон. *Карала* (142) значитъ мечъ и погребенье;
Магілагіїа (499) — любовница,
Магілата — могильный червь.

Поэтому въ двухъ послѣднихъ стихахъ выражена слѣдующая поэтическая идея:

Выслужилъ я *мечъ* —
Въ чистомъ полѣ *любовницу*,
Выслуживъ я *погребенье* —
Въ чистомъ полѣ червя *могильнаго*.

Русскій многовѣковой періодъ созиданія миѳовъ, воплотившій въ своихъ богатыряхъ и чудовищахъ длинный рядъ фактовъ общественной жизни, пользовался синонимами и гомонимами древняго арійскаго языка такъ точно, какъ пользовались іероглифами древніе египтяне. Эти синонимы и гомонимы, эти чітіи не болѣе, какъ звуковые іероглифы; они лежатъ въ основѣ загадокъ, которыя такъ любила древняя Русь и для забавы, и для умственной гимнастики. Почти цѣлыя былины представляются звуковыми іероглифами, въ которыхъ, подъ покровомъ словъ обиходной жизни, являются записи обобщенныхъ событій въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ. Чтобъ показать это наглядно, мы приведемъ здѣсь отрывокъ изъ нашей разработки былинъ, записанныхъ Гильфердингомъ въ Онежскомъ краю.

---

[1]) Закревскій, Бандуриста, № 1.

Въ былинѣ № 61 разсказывается, что нагрянули на Русь враги-кочевники, пограбили и огнемъ пожгли села. Собралъ князь три дружины, и поѣхалъ съ ними «далече, далече въ чисто поле:»

Первая дружина да ѣдятъ-то пьютъ *нападкою*,
Втарая-то *шоломомъ раскатнымъ*,
Третья дружина ѣли *столомъ-скатертью*.

Затѣмъ князь пріѣзжаетъ къ быстрой рѣкѣ Смородинѣ, и спущаетъ на неё три жеребьи. Жеребій тѣхъ, что ѣли-пили *нападкою*, пошолъ камнемъ ко дну: этой дружинѣ быть убитою; жеребій ѣвшихъ *шоломомъ раскатнымъ* — понесся «внизъ быстринѣ»: этой дружинѣ быть въ полонъ взятою; наконецъ третій жеребій тѣхъ, что ѣли *столомъ-скатертью*, поплылъ «встрѣчу быстринѣ»: эта дружина весьма храбра. Двѣ дружины князь оставляетъ въ чистомъ полѣ, а третью съ собой беретъ.

Пѣвецъ, свято сохраняючи въ былинѣ древнія русскія слова, объяснилъ Гильфердингу, безъ сомнѣнья по догадкѣ, что *нападкою* означаетъ «накидываясь на пищу и питье какъ животныя, безъ помощи рукъ»; а *шоломомъ раскатнымъ* — «развалившись въ лежачемъ положеньи.»

Теперь постараемся мы разъяснить эту читію по указанной нами методѣ.

Первая дружина ѣла, пила *нападкою*:

а) *На* (351) — бой, битва,

б) кор. *Пат* (385) — устремляться, кидаться, налетать, напускаться,

в) Прист. *Ка* (132) означаетъ все вообще подвижное, движущееся.

(Отсюда слово: *пататка* (385), по закону экономизаціи звуковъ, сократившееся въ наше: *птаха*, *птица*. [1])

По этому слово *Напатка* означаетъ неосѣдлый, подвижной, постоянно устремляющій въ бой.

Такимъ образомъ передовая дружина ѣла, пила, то есть содержала сабя боевымъ налетомъ: это наши *удалыя поляницы*, казацкія ватаги, выѣзжавшія *въ поле полевать* или *поляковать*, въ степь, гдѣ они наичаще тонули, исчезали, пропадали.

Примѣчаніе. Слово «степь», древнему русскому языку невѣдомо; въ этомъ значеньи, какъ въ былинахъ, такъ и въ лѣтописи, употребляется «поле». «Придоша Печенези на Руську землю .... Святославъ же собра вои и прогна Печенѣзи въ поле».

Вторая дружина: *шоломомъ раскатнымъ* — второе слово синонамическій эпитетъ къ первому:

Шал, *шалѐ* (640) — рястягиваться, распростираться, разлегаться;

Мâ, *мамі* (500) — распредѣлять, располагать; давать, отпускать содержаніе.

По этому *шóломомъ* значитъ растянуть по землѣ отдѣлами, частями, и такъ ѣсть и пить, т. е. получать содержанье.

а) *Рâс* (540) — давать; *рассі* (540)—сборище, ватага; *рâса* (540) — цѣпь;

б) *Кâт*, *катâми* (194) — распространяться, растягиваться

---

[1]) Законъ экономизаціи звуковъ выясненъ въ сочиненьи: La vie du langage, p. Whitney, P. 1875; приложенье его къ русскому языку изложено въ нашемъ полномъ сочиненьи: «Зарницы».

Поэтому *раскатамі* — растянуть, распростерть по землѣ отряды цѣпью, съ дачею имъ содержанья.

Такимъ образомъ 2-я дружина была осѣдлая, ѣла, пила, растянувшись отрядами по степной границѣ, цѣпью. Это — пограничная съ степью, съ полемъ страна, нестарова *польская* земля, имя которой уцѣлѣло въ былинахъ до нашего времени [1]), заселенная хуторянами, полянами; уполье, украйна. При нападеньи кочевниковъ, жребій этой дружины — чаще всего плылъ внизъ; т. е. её уводили въ степь полоненною.

Третья дружина: *столомъ-скатертью* — оба слова синонимы и имѣютъ соотвѣтственные гомонимы:

1. а) *Ст'а* (736) — опираться на что́; прист. *Лах* (549) — ѣсть, вкушать;

б) *Скаф* (733) — опираться, облокачиваться; поддерживать, подпирать;

прист. *Тэрь* (298) — ѣсть, насыщать.

По этому *столомъ* значитъ ѣсть, опираясь на подставку;

скатертью: то-же самое.

2. а) *Ст'ал*, *ст'аламі* и *Ст-а* (735) — стоять; жить, пребывать; опираться на что́.

Ст'ала — мѣсто; твердая, сухая, укрѣпленная и возвышенная почва; палатка.

Ст'анака — городъ, *станъ*.

Идея этого слова: постоянное пребыванье въ одномъ опредѣленномъ, высокомъ укрѣпленномъ мѣстѣ; господство съ опорою на дружину.

---

[1]) Онежск. Был. № 12.

б) *Скаф, скамф* (733, 734) — опирать, опираться; вколачивать, внѣдряться; разить, настигать;

тернья — трава, мурава;

терп (298) — кормить; радовать.

терьакуî — хата, изба.

Идея слова: укрѣпляться на зеленомъ поле, съ постройкою жилищъ, кормя и веселя вокругъ себя дружину, настигая и поражая враговъ.

Итакъ третья дружина пируетъ столомъ-скатертью:, въ палатахъ съ княземъ, который живетъ въ городѣ — укрѣпленномъ и высокомъ мѣстѣ, господствуя надъ всѣмъ и опираясь на дружину. Владиміръ называется въ былинахъ *стольнымъ* княземъ, т. е. постоянно живущимъ въ *ст'ала* — въ укрѣпленномъ и высокомъ мѣстѣ и господствующемъ положеніи, опирающимся на дружину, въ которую вступаютъ всѣ богатыри. Предшествующіе князья были боевые, ходившіе по дань и въ поле. Дружина княжеская выступала въ поле не какъ поленица, а какъ «ищучи себѣ чьти, а князю славы.»

Тѣ же идеи совмѣщаютъ въ себѣ выраженья: «чистое широкое поле", разборъ которыхъ далеко отвлекъ бы насъ отъ настоящаго предмета. Позволяю себѣ только сдѣлать краткую замѣтку о томъ, какую громадную пользу принесъ бы санскритъ нашей исторіи, особенно же филологіи и филологическимъ факультетамъ, если бы давно было обращено на него должное вниманіе, отсуствіе котораго свидѣтельствуетъ не только о томъ, что у насъ нѣтъ самостоятельной разработки науки, но что мы даже далеко отстали отъ санскритологіи на западѣ, гдѣ преимущественное значеніе сла-

вянскихъ языковъ, въ отношеніи къ священному языку нашихъ древнѣйшихъ предковъ почти что игнорируется. Сколько уже времени бьются подъ объясненьемъ Слова о полку Игоревѣ; но до сихъ поръ многое въ немъ темно, и высокія поэтическія красоты этой древней былины нашей далеко не сознаны. Возьмемъ изъ него для примѣра простое выраженье: „убуди жирьна времена.“ Буслаевъ слово *жирьна* толкуетъ: обильный, великій, богатый [1]), что́ совершенно не вяжется со смысломъ предидущей и послѣдующей рѣчи. Санскритское слово *Жирна* (269 γηραιός) означаетъ: древній, стародавній, и тогда стихъ имѣетъ надлежащій смыслъ: „пробудила стародавнія времена.“

Прежде чѣмъ говорить о порогахъ рѣки, надо рѣшить, какое было ея древнѣйшее имя: *Днѣпръ* или греческое *Бористенъ?* Не случилось ли тутъ чего-либо такого, что́ видѣли мы уже съ именемъ Тиверцевъ, къ которымъ присосѣдились греческіе колонисты Ольвіи? Иловайскій утверждаетъ, что въ древнѣйшій греческій періодъ извѣстій о Скиѳіи, рѣка называлась Бористенъ; *потомъ является подъ именемъ Днѣпра.* Въ греко-латинской передачѣ, старая форма имени была Danaper, Danapris; отбросивъ первый слогъ, получимъ Napris. И дѣйствительно, у Плано-Карпини рѣка названа Napris. Имя это представляетъ вліяніе на него закона экономизаціи звуковъ, и ни чуть не составляетъ ошибки Плано-Карпини. Въ одной изъ былинъ мы читаемъ:

[1]) Русск. Христ. для средн. уч. заведеній. М. 1870 г. стр. 99.

Изъ-подъ дуба, дуба было сыраго....
Изъ-подъ камешка было изъ-подъ бѣлаго
Пала выпадала *мать Нѣпра* рѣка,
Выпадала она въ море, море Черное.... [1])

Хотѣлось греческой географіи упрятать это ненавистное имя, какъ можно поглубже: но всплыло оно наружу; вспрыснули его русскія дружины живою водою, которую принесъ имъ змѣище-веретенище, и воскресла рѣка съ своимъ древнимъ именемъ, возстановивъ стародавнія права того народа, который она, какъ мать, поила и кормила за долго до основанья Ольвіи.

«О Днѣпре *Славутичу!* ты пробилъ еси каменныя горы сквозь землю половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли *насады* до пълку Кобякова.....»

(Сл. опл. Игор.)

«Славутичъ» — многознаменательное имя, въ которомъ выразилось глубокое сознанье значенія древнихъ русскихъ или арійскихъ словъ!

Имя *Днѣпръ* — первобытное русское или древнее арійское. Этимологическое образованіе его слѣдующее:

Дâну (317) — завоеватель; *пâрі* (407) — громада, изобиліе воды; *пâра* (407) — противоположный берегъ; край, граница; наконецъ въ санскритѣ *Пâрâ* представляется собственнымъ именемъ рѣки, неизвѣстно гдѣ находившейся.

По этому слово *Данпарі, Данпара,* съ утратою сознанья его этимологическаго значенья и по закону экономизаціи звуковъ, обратилось въ *Данапръ*, Danapris, *Нѣпра*, Napris, *Днѣпръ,* и значило: завоеватель противоположнаго берега, многоводной границы, обильнаго водою края, нако-

[1]) Онежск. был., 172.

нецъ рѣки, извѣстной древнимъ Арійцамъ подъ именемъ *Пара*.

Не входя въ подробности разбора имени *Славутичъ*, въ которомъ основныя слова: *слав* и *слов* тожественны санскритскимъ, мы объяснимъ, только образованіе окончанія этого имени. Приставки: *ут* (96) означаетъ движеніе вверхъ и положенье вверху; *іч, ічъ* (87) — проникать, пробиваться куда-либо; отправляться на поиски, на пріобрѣтенья, и найденное занимать. Такимъ образомъ «Славутичъ» значитъ: идущій вверхъ по водѣ, по рѣкѣ Славянинъ и основывающій тамъ свое жилище.

Греки, вмѣсто слова *Дану*, взяли, или поняли его въ смыслѣ *Танўна* (283) — легкій (безтѣлесный) вѣтеръ, и перевели его по гречески Βορῆς, — сѣверный вѣтеръ; затѣмъ, для выраженья идеи *танўна*, прибавили τανη, латинск. tenuis, что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ санскритскому *тану* — тонкій, легкій. Отсюда произошло слово Βορῆστανη, — легкій сѣверный вѣтеръ, принявшее напослѣдокъ лишенную смысла форму *Борисѳеніс*, Borysthenes.

Признавая такимъ образомъ первенство и древность имени Днѣпра передъ Бористеномъ, тѣмъ болѣе, что нельзя не видѣть въ именахъ Данаіс (Танаіс, Донъ) Днѣпръ, Днѣстръ, и Дунай сродства основныхъ звуковъ *д* и *п*, мы постараемся объяснить русскія и славянскія имена пароговъ по изложенной нами методѣ. При этомъ, конечно, всякій согласится съ тѣмъ, что нельзя ручаться за вѣрную передачу этихъ именъ Константиномъ, а еще менѣе за то, что они не искажены переписчиками его сочиненій. Съ этимъ согласны какъ норманнисты, такъ и противники ихъ. Въ примѣръ искаженья можно привесть имя *Телючи*: кто-бы

узналъ въ немъ имя города *Любича*? Такъ и въ именахъ пароговъ слѣды искаженій слишкомъ замѣтны; но по основнымъ звукамъ словъ можно добраться до настоящаго ихъ значенья и дать имъ осмысленное истолкованье, безъ всякихъ натяжекъ. Повторяемъ, что русскія и славянскія имена пароговъ не что иное, какъ синонимы древняго арійскаго языка, унаслѣдованнаго Русь-славянами съ прочими народами Европы и отразившагося въ вѣрномъ зеркалѣ его — санскритѣ.

Константинъ Багрянородный называетъ *русскими* слѣдующія имена пароговъ:

Ульворши, Геландри, Айфаръ, Варуфоросъ, Леанти, Струвунъ.

Имъ соотвѣтствуютъ имена *славянскія: Островунипрагъ, Неясыть, Вулнипрагъ, Веруци, Напрези.* [1])

Норманисты признавали эту параллель ошибочною, потому что нѣкоторыя изъ именъ не поддавались ихъ объясненьямъ. Съ своей стороны мы видимъ здѣсь ошибку въ томъ, что Константинъ далъ слову «Напрези» особое истолкованіе: а между тѣмъ оно помѣщено въ числѣ славянскихъ именъ. Если исключить его, то въ славянской категоріи, останется только четыре имени, а въ русской шесть. Вмѣсто Напрези, мы относимъ ко славянскимъ именамъ *Леанти,* и тогда каждый рядъ будетъ имѣть по пяти именъ, которыя мы разберемъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Геландри — Неясыть,
Айфаръ — Вульнипрагъ,
Варуфоросъ — Веруци,

[1]) Разысканія Илов., 203.

Ульворси — Островунипрагъ,
Струвунъ — Леанти.

Русскія имена еще двухъ пароговъ:

Есупи и *Напрези* Константинъ объясняетъ по гречески, говоря, что первое означаетъ: *не-спи*! а второе — малый парогъ, *парожекъ*. По слову не спи! мы можемъ заключить, что имена нѣкоторыхъ пароговъ образовались изъ стереотипныхъ командныхъ словъ атамановъ, особенно у тѣхъ пароговъ, гдѣ требовалась величайшая бдительность и осторожность.

Увлекаясь мыслію о славянствѣ Болгаръ, Иловайскій говоритъ: что такъ какъ къ югу отъ Кіевской Руси жили племена славяно-*болгарскія* — Угличи и Тиверцы, то можемъ уже прямо предположить, что славянская параллель въ именахъ пароговъ представляетъ не болѣе, какъ *болгарскіе* варіанты болѣе древнихъ, т. е. славяно-*русскихъ* названій. Варіанты эти, по мнѣнію Иловайскаго, дѣйствительно заключаютъ въ себѣ признаки *церковно-славянскаго*, т. е. *древнеболгарскаго* нарѣчія, наприм. Островуни-прагъ и Вулні-прагъ. Здѣсь вторая часть сложныхъ именъ, т. е. *прагъ*, свойственна языку такъ называемому *церковнославянскому* или *древнеболгарскому*, а никакъ не славяно-русскому, который во всѣхъ своихъ памятникахъ *письменности* имѣетъ полногласную форму этого слова, т. е. *порогъ*. Точно также славянское названіе парога *Веруци* болѣе соотвѣтствуетъ церковнославянскому глаголу *врѣти*, а не славянскому *варити*; тогда какъ послѣдній мы узнаемъ въ русскомъ названьи парога *Вару*форосъ. Названіе парога *Неясыть* также есть церковнославянское или древне болгарское слово, и наконецъ послѣднее славянское названіе *На-*

презн тоже отзывается церковнославянскою формою, хотя смыслъ его доселѣ неясенъ, и вѣроятно оно подверглось искаженью. [1]).

Эта вереница положеній, требующихъ основательнаго доказательства, голословно выставлена аргументомъ того, что славянскія имена пароговъ суть только *болгарскіе* варіанты русскихъ названій. Такая аргументація, конечно, неумѣстна въ наукѣ, и вотъ почему считаемъ мы нужнымъ остановиться на ней, чтобъ навсегда отдѣлаться отъ подобнаго засыпанья словами.

1) Не приходится здѣсь входить въ разсмотрѣніе принятаго Иловайскимъ отождествленья церковнославянскаго языка съ какимъ-то *древнеболгарскимъ* нарѣчіемъ, такъ какъ вопросъ этотъ самъ по себѣ требуетъ особаго изслѣдованья. Замѣтимъ только, что въ нынѣшнемъ болгарскомъ нарѣчіи членъ *тъ*, *та*, *то*, звучащій чуть не въ концѣ каждаго слова и непріятно поражающій слухъ, отсутствуетъ въ церковнославянскомъ языкѣ:

«И кон-*то* не вы пріиматъ, кога-*то* излѣзуватѣ отъ онзи градъ, оттрсѣтѣ и прахъ-*тъ* отъ нозѣ-*тъ* си [2]).»

Слѣдовательно, надо допустить, что въ томъ болгарскомъ нарѣчіи, которое Иловайскій называетъ древнимъ и тожественнымъ церковнославянскому, члена этого не было. Но какое же это древнее болгарское нарѣчіе, когда, по словамъ самаго-же Иловайскаго, имя Болгаръ стали употреблять довольно поздніе византійскіе лѣтописцы, и именно писатели IX вѣка [3])?

---

[1]) Разыск., 424 и сл.

[2]) Нов. Зав. Царіградъ, 1872 Лук. 9: 5.

[3]) Разыск., 350.

2) Тѣ Славяне задунайскіе, которые занимаютъ теперь страну, въ позднѣйшее время по византійскимъ политическимъ видамъ [1]), получившую имя Болгаріи, вмѣсто древней славянской Мизіи, извѣстны намъ, какъ самые осѣдлые землевладѣльцы и домосѣды, не смотря на то, что страна эта примыкаетъ къ Черному морю. Съ того времени, какъ исторія впервые записала на своихъ страницахъ имя Болгаръ, никто никогда не слышалъ, ни читалъ ни о мореходствѣ ихъ, ниже о ихъ плаваньи по рѣкамъ, и вообще ни о какихъ подвигахъ на водахъ, которыми, уже и въ историческое время, отличались наши запорожцы и донцы. Съ какой же стати Иловайскій имена Днѣпровскихъ пароговъ приписываетъ народу, который всегда былъ чуждъ плаванью?

Между характеристическими чертами кочевниковъ особенно выдается тотъ главный признакъ, что они совершенно чуждаются плаванья по водамъ. Для защиты Константинополя отъ ихъ частыхъ нападеній, императоръ Анастасій, въ VI вѣкѣ, подобно Китайцамъ, построилъ стѣну отъ Мраморнаго до Чернаго моря; а это значитъ, что онъ считалъ столицу свою совершенно безопасною со стороны моря. О неспособности кочевниковъ къ плаванью можно судить еще по Хазарамъ, пленнымъ элементомъ которыхъ были Турки. Не смотря на то, что они жили у береговъ многоводной Волги и Каспійскаго моря, Массуди говоритъ о нихъ: «Царь Хазарскій не имѣетъ судовъ, и *его люди къ нимъ непривычны*» . . . . «Море Нейтасъ (Черное море), говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, есть *Русское* море; никто, *кромѣ Руссовъ*, не плаваетъ по немъ [2]),» Въ виду этихъ

[1]) Можетъ-ли наша библіографія выставить хоть одну дѣльную исторію Византійской имперіи, такъ близко соприкасавшуюся съ нашей древней исторіей!

[2]) Гаркови, Сказ. мус. пис. стр. 133., 129.

данныхъ, легко объясняются обстоятельства событія 559 года. Въ этомъ году кочевники Гунны-Кутургуры осадили Константинополь, и варвары, по византійскимъ хроникамъ, очень искусно устроили лодки *изъ тростника*, и на этомъ легкомъ флотѣ подплыли къ Царьграду съ моря [1]). Ясно, что это не было дѣломъ кочевниковъ, а Руссовъ, находившихся въ ихъ войскѣ, способныхъ быть отличными бойцами и на водѣ и на сушѣ; не даромъ также лѣтопись наша названіе Понта *Русскимъ моремъ* связываетъ съ воспоминаньемъ о путешествіи апостола Андрея въ I вѣкѣ нашей эры. Поэтому, хотя въ греколатинской географіи море это никогда не называлось Русскимъ; но тѣмъ не менѣе имя это жило, съ незапамятныхъ временъ, въ устахъ народовъ, *слыло*, по выраженью лѣтописи, т. е. далеко «звенѣло славою.» И ждетъ оно, это славное имя, у порога времени и на берегу моря, пока пробъетъ часъ его, чтобъ подняться изъ за Понта, въ образѣ *Синяго*, вмѣсто Чернаго, какъ нѣкогда изъ за Бористена возсталъ сѣдовласый Днѣпръ Словутичъ.

3) Что́ за племя *Уличи*, произвольно сочиненное Иловайскимъ? Въ лѣтописи читаемъ: «Хрвате и Дулѣбы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне, а Уличи Тиверци сѣдяху по Днѣстру оли до моря.... Да то ся зваху *отъ Грекъ* Великая Скуѳь. — Олегъ съ Уличи и Тиверци имяше рать.... Иде Олегъ на Грекы; поя же.... Хорваты и Дулѣбы, и Тиверцы, я же суть *толковины*: си вси звахуться Великая Скуѳь». Улучи и Велыняне тутъ не упоминаются; а въ описаніи Игорева Похода изъ всѣхъ приведенныхъ именъ называются одни Тиверцы.

[1]) Разыск. Илов., 358.

Улучи, Тиверцы, Дулѣбы, Хорваты, Талкавины, Велыняне — имена нарицательныя, которыя, съ точки зрѣнія Константина, должно назвать *русскими*, и которыя обратились въ собственныя имена, обозначающія назначеніе, занятіе и промыселъ этихъ русь-славянскихъ общинъ, родовъ или племенъ. Сопредѣльная со степью страна называлась Полянскою *землею*, которою „начаста владѣти Аскольдъ и Диръ совокупивъ многи Варяги.» Въ послѣдующее время наименованіе земли Полянской смѣнилось Украиной. Названныя общины составляли у поля границы, стражу Руси противъ кочевниковъ: это были поляне, украинцы, изъ которыхъ выходили удалыя *полянницы*, а въ послѣдствіи казаки *въ поле полевать* и по водянымъ путямъ промышлять. Во времена Олега они названы общимъ именемъ *Талкавины*, или, по окающей системѣ, *Толковины*, а въ эпоху редакціи лѣтописи о прежнихъ Дулѣбахъ сказано, что они жили тамъ, „гнѣ нынѣ *Велыняне*.“ Имя Дулѣбовъ, какъ нарицательное, значитъ исчезло; на ихъ мѣстѣ становятся Велыняне. Изъ этой-то украинской Руси и составлялось ядро мореходныхъ ратей Олега, Игоря и за много вѣковъ прежде нихъ. Поляне, украинцы, кромѣ земледѣлія, занимались рыболовствомъ и лѣсными подѣлками; они плели изъ лозы и тростника легкія ладьи, осмаливая ихъ, и на нихъ смѣло пускались не только по рѣкамъ, но и въ море, какъ позднѣе дѣлали они тоже самое подъ именемъ запорожцевъ и казаковъ. Лѣтопись, говоря о ихъ многолюдствѣ, замѣчаетъ, что жилища ихъ простираются до моря «и *гради* ихъ суть и до сего дне.» По этому не удивительно, что исландскія саги называютъ южную Русь страною *гардовъ* [1]). Эти *гарды*

[1]) Разысканія, 339.

не иное что, какъ укрѣпленныя, огороженныя жилища, курени, гдѣ также существовали пограничные торги и базары. Этимологическій анализъ названныхъ именъ, имѣюшихъ значенье санскритскихъ синонимовъ, подтверждаетъ всѣ, засвидѣтельствованныя позднѣе письменами, бытовыя данныя древней Полянской земли или украинской Руси и ея передовой стражи.

а) О *Тиверцахъ* мы уже сказали, а имя *Улучи* имѣетъ слѣдующее этимологическое образованіе:

Улу (95) — вода; прист. *Чі* (244) — собираться, соединяться, ватажиться; слѣдов., *Улучи* означаетъ водяныя ватаги; дружины, артели у воды.

б) *Дулѣбы*— имѣетъ своего прóтивня въ санскритскомъ *Дýлаба* (327) — буйные, удалые, неподчиняющіеся.

в) Синонимъ къ предъидущему — *Хорваты* отъ

Кор. *Харв* (203) — высокомѣрные, неподчиненные; прист. *Ат* (13) — ходить непрерывно, цѣпью.

Хорвата (147) — торгъ, базаръ.

Гарвата (213) — стража у входа (въ городъ или устье рѣчное).

Оба слова синонимы удалыхъ поляницъ и позднѣе запорожцевъ.

в) *Талкавины* — соотвѣтствуетъ словамъ:

Талка (288) — лѣсъ, роща;

Талакі — тростниковая плетенка;

Талла, таліна — землянка, хата;

Талака — плавни, заливы, разливы;

Тулâ (296) — насадъ, судно;

Прист. *Ві* (610) — ходить, двигаться,

На (351) — война; дружинная связь.

Идея слова *талкавіна*, *талакавіна* та, что жили въ лѣсу, у рѣки, въ землянкахъ, или куреняхъ, дѣлали лодки, соединялись для войны пловучими дружинами по рѣкѣ или по морю.

г) *Велыняне*, по слову:

Вѣла (618) — граница, край, берегъ; текучая вода, половодье;

Прист. *На* или *Ні* (351) — война; дружинная связь; при чемъ слогъ *ла*, по закону акающ. говора, обратился въ *лы*. Имя это, очевидно, означаетъ пограничныхъ, прибрежныхъ украинцовъ.

Такимъ образомъ Руссы, жившіе по рѣкамъ Днѣстру, Бугу, Днѣпру носили имена, которыя можно назвать русскими въ томъ же смыслѣ, въ какомъ у Константина названы русскими имена пароговъ. Эти древнія имена, будучи синонимами, смѣняли одно другое: одинъ синонимъ, становясь непонятнымъ или неумѣстнымъ, съ перемѣною мѣстоположенья, замѣнялся другимъ, и въ концѣ концовъ надъ всѣми взяли верхъ имена *Украина* и *Запарожье*.

Южная Русь, по исландскимъ сагамъ, страна *гардовъ*: слово это не составляетъ исключительной собственности Исландцевъ; оно древнее арійское или русское:

Ой вжеж булоб тобі, Саво, *гард* не руйновати,
Колі хотивъ Запорозцьивъ въ кумы собі брати..[1]).

Въ санскритѣ слово *гарта* (233) прежде всего есть синонимъ *Русса*, т. е. значитъ: свѣтлый, сіяющій; за тѣмъ, слово это, также какъ и наше *гбрадъ*, находитъ свое объясненье въ слѣдующихъ словахъ санскрита:

[1]) Закревскій, Бандуріста, пѣсня № 5.

А. Кор. *Гар* (221) и его синонимъ *Загар* (264) означаютъ: бодрствовать; стеречь, стоять на стражѣ, быть бдительнымъ и внимательнымъ: приставки:

а) *таїїê* (290) — растягиваться, разлегаться, расширяться; охранять, защищать;

б) *та* (281) — хожденіе;

гартâїїê, *гарта*, откуда исланд. *гард*, означаетъ подвижную, пограничную, украинную стражу.

в) Прист. *ат* (13) — ходить непрерывно, цѣпью; отсюда наше *гарат*, по закону ак. говора *гóрат* и, по закону экономиз. звуковъ, *градъ*: подвижная, охранная, защитная стража.

Б. *Загар* (254) — стражъ, стража вообще, особенно же ночная, съ приставкою *ат*, образуетъ наше *загарóдье* — стража подвижная, передовая, внѣ или кругомъ города, укрѣпленья.

Но исландское *гард* совпадаетъ еще съ санскр. гомонимомъ *гарта* (213), означающимъ: отверзтіе, пору, пещеру, погребъ, подвалъ, землянку. Синонимъ къ нему: *Курганъ* и зависящій отъ него *Курень*:

А. *Хур* (205) — копать, рыть.

Хані (202) — погребъ, подвалъ, подземѣлье, вмѣстилище, яма; (слѣдъ сохранился въ областн. псковск. говорѣ: *Хануля* землянка, хатёнка):

Хурхані — выкопанное жилище, подвалъ.

Земля отъ выкопаннаго подвала образовала холмикъ; а въ самомъ подвалѣ, землянкѣ, помѣщался *курьинь*, *курêнь* — общество, дружина; у Марковича: «обідалі цілим курêнем.» Въ нашемъ областномъ говорѣ, *курень* означаетъ не-

большую купу избъ или хатъ — деревеньку, хуторъ; а выраженіе: «народъ *куренемъ* сошолся" значитъ: кучею, толпою.

Б. а) *Кур* (271) — двигаться, переходить, переѣзжать.

Інг. (89) — зажигать; отсюда *інгана* — сухая солома годная для хорошаго горенья. По этому *Курінг*, *курень* — обходная стража, которая, завидѣвъ приближенье кочевниковъ, зажигала солому на курганахъ, по границѣ степной, для предупрежденья полянъ, украинцевъ о приближающейся опасности и для принятія мѣръ къ защитѣ.

б) Гомон. *Кур* (249) — зажигать (въ значеніи сербскаго: *курити*);

ханьа (195) — мгновенный; зависимый, подчиненный

хамі (195) — по землѣ, вдоль земли.

Въ этомъ значеньи, *Курханьа*, *Курхамі*, *курганъ* означаетъ подчиненную стражу, при опасности мгновенно зажигающую огни по пограничной землѣ. Наконецъ

в) *Кур*, съ приставками:

к'а (200) — поле

анк (9) — отмѣчать пограничную линію; ходить, — образуетъ *Курк'анк*, *курганъ*, имѣющее то же значенье: по уполью, украинѣ разъѣзжать и при опасности зажигать огни.

Этотъ способъ охраны, защиты отъ кочевниковъ, былъ извѣстенъ Руссамъ уже въ первобытной родинѣ ихъ Аріи; потому что Гомеръ, жившій за девять вѣковъ до нашей эры, знаетъ его: у него слово πῦρ спеціально означаетъ сторожевой, охранный огонь, и происходитъ отъ санскрит. корня *Пір* (423) — охранять, стеречь, защищать; χᾶμαι—

по землѣ, вдоль земли. Слѣдов. Гомерово слово, πῦρχᾶμαι *пўрхамэ*, означаетъ огонь, распространяющійся вдоль по землѣ; а съ словами: χύμενος, χῦτός, отъ χέω, насыпной бугоръ земли, вырытой для χειή — ямы, — πυρχύμενος означаетъ также и огонь, зажженный на насыпномъ бугрѣ. Поэтому *пўрхомэ*, *пўрхіменос*, и *пўрхўтос* — синонимы кургана.

Въ живой рѣчи народа употребляются многія слова, которыя какъ нибудь случайно попадаютъ въ письменные акты, между тѣмъ какъ они уже до этого времени существовали многое множество вѣковъ. Такъ, судя по письменнымъ актамъ, имя Украйна явилось уже въ историческое время; но народу оно извѣстно съ незапамятныхъ временъ. Границу, охраняемую сторожевыми курганами, онъ всегда называлъ Украйной — своимъ древнимъ словомъ, тожественнымъ санскритскому *Укхраіїа* (95), что значитъ холмъ, земляной бугоръ. — Прокопій Кесарійскій, писатель VI вѣка, говоритъ, что Славяне и Ангы назывались прежде однимъ общимъ именемъ *Споры*. Имя это, по мнѣнію Шафарика, Цейсса, Воцеля, тожественно имени Сербы [1]). Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что это отождествленье произвольно. Въ санскритѣ *спар* (739), а въ переходѣ въ русь-славянское слово, по закону акающаго говора, *спóр*, значитъ охранять, оберегать, защищать. Поэтому имя Споры есть синонимъ послѣдующихъ именъ: Поляне, Украинци, т. е. русь-славянскія племена, расположенныя по границѣ со степью, для охраны и защиты внутренней страны отъ вторженья кочевниковъ.

---

[1]) Воцель, Древн. быт. ист. Славянъ, К. 1875. стр. 30.

По сказанью Геродота, въ сопредѣльностяхъ Гинаниса (Буга) и Бористена, въ сосѣдствѣ съ страною *Алазоновъ* (синонимъ миѳическаго имени *Русь*), есть край, называемый Ξαμπαιος (эксампаіос), что̀, по его объясненью, означаетъ: «святые пути». Тутъ Геродотъ смѣшалъ созвучныя слова, какъ и въ именахъ Тиверцевъ и Андрофаговъ; слышанное имъ древнее русское слово происходитъ: отъ *ѐкзамі* (126) [1]) — итти, двигаться куда, и *паїіас* (388)—вода; *екзампаїіас*— водяной путь, онъ принялъ за *акса* (10) — свѣтлый, святой и *пат'а* (386), совершенно соотвѣтствующее греческому πάτος путь, и *екзампаїіас* понялъ въ смыслѣ *аксапатос*— свѣтлые, святые пути. Его *Калипеды* не иное что, какъ греческое искаженіе древняго русскаго слова: *каліпаті*, синонима *варягъ*, отъ *ка* (132) — вода, *Лі* (553) — двигаться, плавать и *Паті* (386) — владыка, господинъ: *каліпати* — владыки водянаго пути.

Что славянскія имена пароговъ—тѣ же русскія имена въ формѣ синонимовъ, подкрѣпляется, смѣемъ думать, всѣмъ тѣмъ, что̀ мы до сихъ поръ изложили здѣсь. Какое дѣло тутъ мѣшаться кочевникамъ болгарамъ, всегда чуждавшимся водныхъ путей, и на какомъ основаніи праотцевъ Украины и Запорожья, жившихъ къ югу отъ Кіева, Иловайскій называетъ славяноболгарскими племенами?

3. Изъ слова *праг*, находящагося въ концѣ именъ двухъ пароговъ, дѣлать посылку для заключенья, что славянскія имена пароговъ принадлежатъ къ древнеболгарскому языку, eo ipso церковнославянскому — пріемъ въ высшей степени ненаучный. Тоже слово *праг*, въ значеньи парога,

[1]) 22-я санскр. буква ज (256) передается въ другихъ арійскихъ языкахъ очень часто, какъ *кс*, *з*.

равно какъ *град*, *трг*, принадлежатъ и сербскому языку: почему же Сербамъ нельзя приписывать права утверждать, что славянскія имена даны парогамъ ихъ предками? Подобныя слова, представляющія вліяніе закона экономизаціи звуковъ, встрѣчаются во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; у насъ, напримѣръ, читаемъ: ничего не берите на *дарогу;* а у Поляковъ: nie bierzcież nic w drodzie; но въ тоже время на Руси говорится *врагъ* и *ворогъ*, *злато* и *золато*, *парашить* и *прахъ*, *дарагой* и *драгій*, и это не въ книжномъ языкѣ, а въ народномъ говорѣ:

Въ стольномъ въ *городѣ* во Кіевѣ
А и было пированье, почестный пиръ...
Шли мы, бѣжали мимо Кіевъ славенъ *градъ*....

У того ли было князя Воротынскаго
Крестили *младаго* князевича.....
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье.

Та вжеж сі *вороги*

Кругомъ хату обняли. —

Скачи *вражe* якъ пан каже.

Мене, нене, орда знае,
Сриблом-злотомъ наділяе.

Ой выйди, выйди, серденько Галю,
Серденько, рыбонько, *драгій* крышталю.

У Сербовъ *драг* тоже означаетъ дорогой, милый.

Свободное употребленіе закона экономизаціи звуковъ присуще нашему языку съ древнѣйшихъ временъ. Такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ читаемъ: «О баяне, *соловію* стараго времене! абы ты сія пълки ущекоталъ, скача, *славію*, помыслену древу»... Именно потому, что церковнославянскій языкъ, принадлежа къ окающей системѣ говора, подвергся систематически значительному дѣйствію закона экономизаціи звуковъ

и послужилъ основою нашему нелѣпому искуственному правописанію, — онъ слишкомъ отдалился отъ полногласной акающей системы санскрита, и потому долженъ быть отнесенъ къ болѣе позднему историческому явленью, подъ вліяньемъ посторонней стихіи. Объ этомъ подробности содержатся въ особомъ отдѣлѣ полнаго сочиненья.

4. *Веруци*, вопреки мнѣнью Иловайскаго, по своему полногласію, вовсе не соотвѣтствуетъ церковнославянскому *врѣти*, которое притомъ не исключительно церковнославянское, потому что принадлежитъ также и сербскому: *врети*, *врео*, *вренье*.

5. *Напрези* отзывается Иловайскому церковнославянскою формою. Неужели и слѣдующія рѣчи народа непремѣнно отзываются тою же формою?

Крутиться мьині на *языці*. —
Ой біда, біда *чайці небоги*,
Що вывела дітки прі битьей *дорозі*. —

Чи вже, *брате*, тебе ждаті від чистаго поля,
Чи від Черного вже моря, чи від *Запорозьа*?

Втьикав Гнатко, втьикав братко аж на *Запорбжжа*. —

Обізвалась доля по тим *боці* моря. —
Посадили Морозенька на тесовім *стольці* [1])

Такихъ примѣровъ можно набрать сотню.

6. Наконецъ слово *неясыть*, по мнѣнью Иловайскаго, церковнославянское, ergo древнеболгарское, дѣйствительно употреблено въ библіи, какъ наименованье птицы; но слово это принадлежитъ, въ надлежащемъ своемъ значеньи, и сербскому и областнымъ русскимъ нарѣчіямъ, какъ это показано на своемъ мѣстѣ.

[1]) Сборникъ Закревскаго «Бандуріста», № пѣс. 10, 48 и проч.

Съ словомъ *парогъ* у насъ обыкновенно соединяется представленіе о какомъ нибудь сопротивленіи, о какой-либо преградѣ ровному и спокойному движенью, какъ въ прямомъ, такъ и метафорическомъ смыслѣ: входя въ двери, я споткнулся о парогъ, т. е. поперечный брусъ подъ дверьми; „не парогомъ мы поперекъ васъ стали: есть лучше насъ" говорится настойчивой свахѣ. Таже идея содержится и въ словѣ рѣчной парогъ: это — противникъ ровному и спокойному плаванью, гряда камней поперекъ теченья рѣки, по которымъ вода съ усильемъ стремится, падаетъ по уступамъ, вьется водопадомъ или прётся быстрякомъ промежъ камней. Такому значенью парога соотвѣтствуютъ слѣдующія санскритскія слова:

а) *Парâк, парâкіна* (390) — супротивный, упорный, противостоящій; непріятель, вóрагъ. По закону акающаго говора и экономизаціи звуковъ, оно переходитъ у насъ въ *парóгъ* и *прагъ*.

б) Глаголъ *парагамі* (391) означаетъ: спускать, гнать внизъ, низвергать; онъ образованъ изъ слѣдующихъ реченій:

аа) *Парі* (391) — въ-обходъ, въ-объѣздъ, въ-уклонъ, въ-огибъ;

бб) *Ган* (748) — гнать, спускать, ѣхать.

Такимъ образомъ въ словѣ *парогъ* раскрывается слѣдующая идея; это — помѣха, которую можно обойти; переступаемая, переплываемая преграда, черезъ которую спускаютъ, гонятъ внизъ.

Разберемъ теперь по порядку Константиновы русскія и славянскія имена пароговъ.

1. *Геландри*, *Неясыть.*

Въ словѣ *Геландри*, по мнѣнью норманистовъ, есть ошибка писца; потому что позднѣе одинъ изъ пароговъ былъ названъ „Звонецъ", а въ такомъ случаѣ, *Геландри* какъ нельзя болѣе созвучно исландскому giallandi или giallandri, означающему «звенящій». Слѣдовательно, Геландри происходитъ отъ исландскаго слова; оно не можетъ принадлежать славянскимъ нарѣчіямъ, которыя не имѣютъ словъ, начинающихся съ слога *ге;* въ нихъ нѣтъ также словъ, оканчивающихся на *андр.* Все это, по нашему убѣжденью, одни бал*яндр*асы, нерѣдко навѣваемыя *хандрою.*

Такъ какъ, по незамѣчанью Константина, *Геландри* означаетъ «шумный парогъ», то въ основѣ этого имени Костомаровъ предполагаетъ корень *гул,* вслѣдствіе чего Иловайскій думаетъ, что парогу надо бы называться *Гуландарь* или *Гуландра,* и подкрѣпляетъ это аналогическими словами, употребительными въ русскомъ просторѣчіи: глухандарь, слѣпандарь. Онъ вспоминаетъ при этомъ, что и сербскій монастырь на Афонѣ называется *Хиландарь*, и что въ Олонецкой губ. употребителенъ въ народной рѣчи глаголъ *уландать,* означающій: выть, вопить, завывать. По всѣмъ этимъ даннымъ Иловайскій замѣчаетъ, что *Геландри* — славяно-русское имя, и что попытка норманистовъ производить его изъ исландскаго языка совершенно неосновательна.

Этимологическое значенье этого русскаго имени, нѣсколько видоизмѣненнаго у Константина, по нашему разысканью, есть слѣдующее:

А. а) Кор. *Гал* (214) — набрасываться, накидываться на что-либо; *гала—глотка; галїа*—общество, собраніе глотокъ;

б) *Гала* (208) — кушанье, яства, сопоставленное съ *гбалока* (225) — катышъ, катышка и *галака* (208), тожественнымъ нашему *галадья* [1]), т. е. вообще мелкой рыбѣ, —означаетъ самое любимое малорусское вариво — *галушки*, катышки тѣста, свареннаго въ водѣ съ рыбою или иною приправою.

Галуха на Украинѣ означаетъ алчнаго къ галушкамъ, а *голеный* — вообще жадный до чего-либо; на сѣверѣ же *галуха* имѣетъ значенье потѣшника, краснобая, а *галанить*, по курскому обл. кутить, что́ на сѣверѣ уже значитъ: шумѣть, вздорить. Съ послѣднимъ значеньемъ имѣетъ связь санскр. *гаўли гаўліка* (226) — пьяный напитокъ, которому соотвѣтствуетъ област. костромское *галахъ* — брага, пьяный хлѣбный напитокъ [2]). Сербское *галити* означаетъ алкать, жадничать, откуда *гальенье*—алканье, жадничанье, *гальух*,— обжора.

в) Къ санскр. корню *Гал* и гомониму *Гала* есть приставка *Дранх* (778), означающая желанье, алканье.

Малорусское *галуха*, *галушка* — сложное изъ словъ: *гал* и *уха*, *юха*; послѣднее, какъ увидимъ ниже, также имѣетъ своего представителя въ санскритѣ. Шуточно ласкательное прозвище галушекъ: *галундрахи*, *галундрагли*, *галундраги*; вторая половина въ первомъ словѣ соотвѣтству-

---

[1]) Для приводимыхъ здѣсь обл. реченій см. Словарь Даля.

[2]) Гаўлі (226) *Галіи* (750)— растенье Oenanthe phelandrium, наше *Галахъ* (гирча, пустырникъ, пустоселъ и проч.) Многіе виды его имѣютъ опьяняющее свойство, вслѣдствіе чего и называется въ санскритѣ *гаўлі*, *галін* приготовленный изъ этого растенья хмѣльной напитокъ, который въ Костр. губ., особенно между *офенями* также называется *галахъ*: это — брага, полпиво; о значеніи же *офеней* въ миѳич. эпоху, какъ посредниковъ въ торговлѣ между Русью и Индіей — подробности въ нашемъ полномъ сочиненьи, — *Галіпрїа* (750) — родъ нашего можевельника.

етъ санскритскому *дранх*, во второмъ — *драгли* до сихъ поръ означаетъ у малоруссовъ кушанье, а въ третьемъ *драги* означаетъ милый, любезный. Одна изъ этихъ трехъ формъ слова послужила основаньемъ искаженному у Константина имени *Геландри*.

Итакъ значенье имени *Галдранх*, *Галадранх*, *Галундрахи*, таково, что у этого парога былъ привалъ всей ватаги глотокъ, и тутъ на берегу было пиршество съ пѣснями, пожалуй и съ бандурами или гуслями, словомъ кутёжъ, гдѣ, по образцу Гомеровыхъ героевъ, Θυμὸς οὐκ ἐδεύετό τι δαιτος ἐίσης — наѣдались галушекъ и выпивали зелена вина по горло, въ мѣру и по силѣ каждому.

Б. Слову *Галадранх* соотвѣтствуетъ синонимъ *Нїадасак*, отъ *Нїада* (381) — ѣда, пища вообще и *сак* (631) — сколько силъ хватитъ. По закону экономизаціи звуковъ, слово это сократилось у насъ въ *Неясыть*, что́, на нашемъ областн. нарѣчіи, означаетъ: ненасытный, обжора — синонимъ малорусск. голеный, и въ сербское *Ненасит* — обжорливый, ненасытный человѣкъ, синонимъ сербскаго же *гальух*.

Въ XVI в. въ книгѣ большаго Чертежа, Неясыть является подъ именемъ *Ненасытецъ*. Въ этомъ словѣ выразился такимъ образомъ сохраненный преданьемъ смыслъ слова *неясыть*, которое вовсе не означало птицы.

2. *Айфаръ*, *Вульнипрагъ*.

Здѣсь русское имя парога было принято за названіе птицы, почему и сближали его съ «Неясыть»: норманисты указываютъ на голландское слово ôrevâr, которое произносится ujefar, что значитъ аистъ; Костомаровъ же находитъ

въ литовскомъ языкѣ слово Ajtwaros, означающее какую-то морскую или водяную птицу. Противъ Айфаръ у Константина написано Вульнипрагъ, почему и не можетъ быть тутъ рѣчи о птицѣ.

а) Санскр. *Аїй* (45), желательное или повелительное наклоненіе, означаетъ: выходить бы, выходи, вонъ!

Вâр (477) — вода: *Аїйвар* — выходьте изъ воды, или вонъ изъ воды.

б) Славянское имя представляется санскритскимъ синонимомъ предъидущаго:

Вâльа, Вâльê (575) — выходить изъ воды;

Пâра, Пâрага (407) — берегъ:

Вâльêпарага — вонъ изъ воды на берегъ.

По закону акающаго говора и экономизаціи звуковъ, слово это измѣнилось у насъ въ *Вулньипраг* [1]).

Въ настоящее время, въ нарѣчіяхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ, также въ обл. калужскомъ, *Воўльй*! [2]) выражаетъ желанье: лучше, скорѣе ступай: «Волѣй берегъ: скорѣе на берегъ! Сербск. *вольети* значитъ: сильно хотѣть.

3. *Варуфоросъ, Веруци.*

По мнѣнью норманистовъ, это должно быть *Барфорсъ*, такъ какъ bar на исландскомъ языкѣ значитъ волна, а fors, на скандинавскихъ нарѣчіяхъ, водопадъ. Юргевичъ находитъ, что можно и не нуждаться въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ, такъ какъ въ венгерскомъ языкѣ есть слово forros, означающее водяной валъ. Иловайскій подкрѣпляетъ это замѣчаньемъ, что Угры и Русскіе долго де жили въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ на берегахъ парожистыхъ

[2]) Бѣлорус. Словарь Носсвича.
[1]) О переходѣ *а* въ *у* см. Ульворси.

рѣкъ южной Россіи, и потому неудивительно, что подобное слово употреблялось тѣми и другими. Да притомъ русское *форосъ* довольно близко (!) къ нашему парогъ, и не чуждо греколатинскому phoros, употреблявшемуся въ смыслѣ протокъ, проливъ, бродъ и пр. Оставляя впрочемъ вторую половину имени вопросомъ, онъ первую — *варъ* принимаетъ въ буквальномъ смыслѣ, т. е. вареніе, жаръ. Въ такомъ случаѣ Варуфоросъ означаетъ варовой парогъ; соотвѣтствуя другому славянскому названію, происходящему отъ врети, варити, *Веручи* или *Вручій*, что, по объясненью Константина, значитъ кипѣніе.

Наше объясненіе:

а) *Вâр* (577) — вода,

У (93) — шумъ вообще,

Фа (457) — кипѣнье на огнѣ,

Рас, *Раса* (535) — вкусно кушать, смачное кушанье.

Такимъ образомъ *Варуфарас* означаетъ вареное на водѣ кушанье. У Константина это сложное слово — самое вѣрное воспроизведеніе древняго русскаго; но только по окающему говору, потому что въ послѣдней части звуки *а* обращены въ *о*.

б) *Веруци*, довольно искаженное слово, которое, по объясненью Константина, означаетъ вареную, кипяченую воду. Образованіе санскритскаго синонима предъидущему есть слѣдующее:

Варн (613) — кушать;

Ісца — любимый, отъ *ісц*, *іш* (90):

Варісца или *Вариша* — любимое кушанье: это и есть Константиново *Веруци*. Объясненье этого любимаго кушанья даютъ намъ слова:

Варісца (566), гомонимъ предъидущаго, — рыболовная удочка; *варна*, у Сербовъ, рыбій хвостъ;

Їусца, юша (526) въ санскритѣ равнозначущее нынѣшнему супъ, а на Руси — *юшка, юха, уха* — супъ исключительно рыбный. Такимъ образомъ *Варюсца*, *Варюша*, съ откидкою перваго слога *вар*, какъ излишняго, даетъ намъ названіе извѣстнаго и любимаго нами жидкаго рыбнаго кушанья: *юшка*, *юха*, *уха*. Санскр. 45-я буква *сц*, *сс* въ большей части случаевъ переходитъ въ нашъ языкъ звуками *х*, *ш*, *ч*. и иногда *щ*.

Константиново *Веруци*, по отсутствію въ греческомъ языкѣ чистаго звука *б*, могло быть искаженнымъ названіемъ еще другаго любимаго Русью жидкаго кушанья *барсць*. Слово *барсць*, *барщь*, *бо́рщь* образовалось, по закону экономизаціи звуковъ, изъ санскритскаго *Барщанна* (480) — родъ рисоваго кушанья; за неимѣньемъ же на Руси риса, онъ былъ замѣненъ свойственными странѣ овощами, которыя по сербски называются *варево*. Здѣсь мы также встрѣчаемся съ закономъ русскаго акающаго говора, по которому санскр. слогъ перешолъ на Руси въ *бо́р*. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только на Руси это варево называется барщемъ; поляки это названіе позаимствовали у малоруссовъ.

4. *Ульворси*, *Островупипрагъ*.

Норманисты старались доказать тожество этихъ словъ, съ условіемъ измѣненія *Ул* въ *Холм*. Holm въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ значитъ островъ; а fors — водопадъ; слѣдовательно получимъ holmfors, что́ и будетъ соотвѣтствовать порогу Островуну. По мнѣнью Иловайскаго, перво-

начальная полная форма имени была Вульниборъ или Вульниборсъ, на томъ основаньи, что въ старыхъ славянорусскихъ названіяхъ встрѣчаются именно такія окончанія, напр. притокъ рѣки Нарева Вулборзъ. Потому и слѣдовало бы Вульниборсъ поставить въ параллель съ славянскимъ Вульнипрагъ.

Норманисты, обративши уль въ холм, утверждаютъ, что русское *холм* обратилось у Константина въ *уль* вслѣдствіе «непривычности» греческаго уха къ *холм*, вѣроятнаго смѣшенія аспирантовъ и проч.

Наше объясненіе:

а) Санскр. буква ऊ — двойное *а* въ нашемъ языкѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, произносится какъ *у*, напр. *аайутана* (76) есть наше *уютный*. На семъ основаніи:

Аалігіе (80) въ нашемъ языкѣ произносится *Улігіе*, что означаетъ: подходить къ чему, приставать гдѣ; отсюда сербское *улица* — дворъ, пристанище; такое же значенье слово это имѣетъ и въ нашемъ обл. арханг. и костромск. говорѣ. *Улицкими* людьми въ Новгородѣ назывались встарь осѣдлые жители. Выраженіе: «*улёжное* мѣсто» означаетъ пріютное, спокойное пребыванье на извѣстномъ мѣстѣ.

Варсцаі (568) — пристанище, виталище. Слѣдъ этого слова хранится въ нашемъ областномъ: *варъ, варачъ*, — охрана, убѣжище; загонъ. Оно же лежитъ въ основѣ сербск. *ворош* — городъ, и собств. имени *Варшава*. Посему сложное слово: *Улігварсаі, Улывбрсі* означаетъ пристань для роздыха, стоянки, виталища.

б) *Островунипрагъ* — безсознательно искаженный си-

нонимъ предъидущаго; его первоначальная, осмысленная форма была конечно слѣдующая:

Асраїіамі (83) — доходить до чего, приставать гдѣ.

Парага (407) — выходъ на берегъ, на другой берегъ

Астраїіамі парага — пристанище, прибѣжище на другомъ берегу, стоянка, роздыхъ, то же, что въ походѣ Святослава означено словомъ *бѣлобережье*. Съ утратою сознанья этимологическаго смысла, слово это перешло въ *Асравуніпрагъ* и, по окающему говору, *Островуніпрагъ*. Слѣдъ слова *асраїіамі* сохранился въ сербскомъ языкѣ, на которомъ *остравити* означаетъ страстную привязанность къ чему либо и *острмити* — класть на бокъ (наприм. лодки); *странац* — преданный чему либо человѣкъ, и *стронья* — пристанище, пріютъ. Въ област. псковск., тверск. и новгор. нарѣчіи., *бстравь* означаетъ нѣчто въ родѣ приставной лѣстницы: это — лѣсина съ короткообрубленными сучьями. Наконецъ, самый глаголъ *застрять* означаетъ: приставши гдѣ нибудь, тамъ засѣсть, зажиться.

5. *Струвунъ, Леанті.*

Струвунъ, по мнѣнью Иловайскаго, есть не болѣе, какъ параллель и другая форма имени Островунъ; слѣдовало сказать: «по-русски Струвунъ, по-славянски Островунъ-порогъ». Быть можетъ, говоритъ онъ далѣе, что Струвунъ значитъ собственно «стремнистый» порогъ, такъ какъ отъ корня *стры* равно происходитъ и *струя* и *стремя*.

Леанті не поддалось никакому словопроизводству ни норманистовъ, ни славистовъ. Первые ставятъ его въ параллель съ Веруци, и Лербергъ производитъ его отъ глагола landen — приставать къ берегу, потому что путники-де

тутъ варили себѣ пищу. Иловайскій же отвергаетъ всякую связь Леанти съ Веручи, т. е. Веруци.

Струвунъ и *Леанті* — санскритскіе синонимы:

а) Кор. *Сру* (743) — обтекать, охватывать токомъ; прист. *Вун* (612) — гибнуть.

Поэтому *Срувун* значитъ гибельный, опасный водоворотъ или омутъ. Сербское *струјанье* означаетъ кипѣнье воды. Отсюда-же и наше выраженье: «вода стружитъ», т. е. завивается барашками. *Струга* на сѣверѣ означаетъ рѣчной омутъ; а Днѣпръ издревле славился своими омутами:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота Океанъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Вторыя части въ словахъ: *Струвунъ и струга,* санскр. *вун* и наше *га* отъ *Ган* (748, 747), тоже синонимы между собою, означающіе вообще гибель. Тотъ-же санскр. корень *Сру* лежитъ въ основѣ нашего областнаго слова *стрежень* — быстрина потока, стремнина; — *стрекать* — обдавать струею.

б) *Лэан* (423, 556) — охватывать, раздавливать; прист. *туунь*, *тынь* (297) — сдавливать, сжимать; или *тім. тіма* (292) — обдавать водою; послѣднее слово означаетъ также море. Посему *Леантім*, *Лэантынь* означаетъ сдавливающій, раздавливающій водоворотъ, или омутъ быть можетъ у моря

У сербовъ *Ливан* означаетъ водоворотъ, и Константиново *Лэанті* несомнѣнно есть искаженная форма *Ливанлюти* или *Ліан-моти*, т. е. жестокій водоворотъ. Еще болѣе созвучно Константинову слову новгородское област.

лейнемъ-лити—заливать сильною струею, или *лейнемъ-тім*, т. е. съ санскритскою приставкою, отъ чего значенье слова нисколько не измѣняется [1]).

6. *Ессупи, Не спи!*

Норманисты, съ помощью разныхъ германскихъ нарѣчій, произвели повелительное наклоненіе съ двойнымъ отрицаньемъ: ne suef-e, т. е. нѣтъ, не спи!, и въ этомъ находили сходство съ славянскимъ глаголомъ.

По мнѣнью Иловайскаго, Геродотово слово *эксампаіос*, съ утратою носоваго звука, *должно было* произноситься „Есупи". Такъ сначала, полагаетъ онъ, назывались вообще Днѣпровскіе пароги; а потомъ, когда стали различать ихъ отдѣльными названьями, Есупи оставалось за первымъ. За тѣмъ явилось его осмысленье въ формѣ „не спи". За тѣмъ еще, надъ вліяньемъ этого осмысленья, одинъ изъ пароговъ сталъ называться „Будило", т. е. названьемъ, болѣе соотвѣтствующимъ духу языка при данномъ осмысленьи. „Догадка моя, надѣюсь, имѣетъ за собою бо́льшую степень вѣроятности, нежели *забавное названіе* „Не спи."— *Забавное,* конечно для тѣхъ теоретиковъ, которые очи имутъ и не видятъ; они не знаютъ играющей кругомъ нихъ жизни, которая не улегается въ ихъ рамки, и которую не можетъ удержать хладъ мертвыхъ хартій.

По словамъ Константина, *Есупи* по русски и по славянски, значило: «не спи!» По этому поводу, Иловайскій, въ другомъ мѣстѣ своихъ «разысканій» говоритъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ осмысленьемъ, основаннымъ на созвучьи: само по себѣ это «повелительное наклоненье невозможно

---

[1]) Слов. Даля, *лить*.

какъ *географическое названье.*» Странно, право, въ виду существующаго факта, оспаривать дѣйствительность его по тому только, что онъ не укладывается въ рамкѣ предвзятой теоріи. Представьте себѣ энергическую и типическую личность атамана: онъ всегда при этомъ парогѣ громовымъ голосомъ выкрикивалъ свою неизмѣнную стереотипную команду: «не спать!» И вотъ преданная ему дружина такъ и прозвала этотъ парогъ, сдѣлавъ командное слово *чітіей* своего любимаго атамана. Какое дѣло этой дружинѣ до того, будутъ-ли черезъ десятки вѣковъ считать повелительное наклоненье возможнымъ или невозможнымъ, какъ географическое названье. Что дѣйствительно при какомъ нибудь парогѣ атаманы считали необходимымъ возбудить всю бдительность дружины, на это указываетъ, въ книгѣ Большаго Чертежа, наименованье однаго изъ пароговъ: «Будила.»

Санскр. кор. *Сўван* (744) — спать; желат. наклоненіе *супіїам*, въ соединеньи съ отрицат. частицею *а* — не, составляетъ *а-супіїам — не спать!* Между двумя частицами *а* и *не* у Константина написано среднее *е* — ошибка-ли это, описка или нѣтъ — дѣло неважное.

7. *Напрези, Парожекъ.*

Имя это, по свидѣтельству Иловайскаго, остается совершенно темнымъ, не смотря на греческое истолкованіе его въ смыслѣ малаго парога.

Санскритск. частица *на* (351) смягчаетъ, ослабляетъ значенье тѣхъ словъ, къ которымъ она приставляется. Посему *Напарак* означаетъ парожекъ и, по закону русской фонетики — сродству звуковъ *к* и *з* и экономизаціи звука, обратилось у насъ въ *Напараззя* (*Запороззя*, какъ въ

приведенныхъ нами примѣрахъ, по окающ. говору), *Напраззя*; это-то слово и передано Константиномъ въ измѣненной формѣ *Напрези*.

И такъ русскія и славянскія названья Днѣпровскихъ пароговъ не что́ иное, какъ синонимы древняго арійскаго языка, которыми опредѣляются ихъ отношенья одно къ другому такъ же точно, какъ, напримѣръ, и въ словахъ: *калика* и *перехожая*, *чумакъ* и *цѣлавальники*, *калиновы* и *мостъ*, *Ока* и *рѣка*, *Варагін* и *море*. Подлѣ древнихъ словъ, какъ завѣтныхъ памятниковъ, читій глубокой старины, поставлены истолковательные синонимы того же древняго языка, указывающіе на единство племеннаго происхожденья народа *Русь* и *Славяне*, и подтверждающіе свидѣтельство нашихъ лѣтописныхъ сказаній: «А словѣнескъ языкъ и Рускый одинъ.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ памятники эти свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ отдаленную миѳическую эпоху, сопредѣльности Днѣпра были колонизированы Русь-Славянами за долго до посѣщенья Ольвіи Геродотомъ. Изъ среды всѣхъ славянскихъ племенъ выдѣляется одно племя подъ миѳическимъ именемъ *Русь*, синонимомъ такихъ же миѳическихъ именъ, какъ *Варягъ* и *Аріецъ*. Послѣднее имя въ Европѣ забыто; оно уступило мѣсто *Варягу*, которое и соединялось иногда съ именемъ *Русь*, какъ своимъ синонимомъ. Первобытное арійское общество въ миѳическую эпоху, какъ это показываетъ языкъ Вѣдъ, было политически на столько развито, что въ немъ крылись уже сѣмена и зародыши всѣхъ тѣхъ соціальныхъ явленій, которыя застали у арійскихъ народовъ уже историческія времена. Изъ этихъ сѣмянъ, въ индійской отрасли Арійцевъ, выросли касты, изъ

которыхъ важнѣйшая — хатріи. Во главѣ этого рода-племени стояли цари; власть и силу его ограничивала каста браминовъ. Это ведетъ насъ къ той мысли, что уже въ первобытномъ арійскомъ обществѣ лежалъ принципъ, въ силу котораго генеалогія имѣла въ обществѣ преобладающее значенье. Въ другихъ арійскихъ отрасляхъ сѣмена первобытной родины не произвели такихъ рѣзкихъ разграниченій, какъ касты. Тамъ появились различныя состоянія, сословія, цехи, рыцари, мужи, людины, чернь, поляницы, казаки и проч., и выше всѣхъ дружина, во главѣ которой стоялъ князь. Въ славянской отрасли Арійцевъ, прежде рѣшительнаго отдѣленья ея отъ общаго ствола, значенье хатріевъ принадлежало племени *Русь*. Оно произошло и разраслось отъ одного изъ первоначальныхъ миѳическихъ семействъ, причислявшихъ себя къ солнечной династіи, на что́ указываетъ въ былинахъ постоянный эпитетъ «солнышко,» прилагаемый къ князю Владиміру, типу князей миѳической эпохи. Поэтому племя это составляло дружину первенствующаго въ немъ княжескаго рода, царствовавшаго надъ всѣмъ славянскимъ племенемъ. «Словенѣскъ языкъ и Рускый — одинъ, говорятъ наши лѣтописныя преданія: отъ Варягъ бо (Арійцевъ) прозвашося Русью, а первѣе бѣша Словнене.» Аскольдъ и Диръ, *мужи* Рюрика, безъ всякаго сомнѣнья принадлежали къ роду-племени Русь; но не принадлежали къ княжескому въ этомъ племени роду, а между тѣмъ присвоили себѣ политическую власть въ Кіевѣ. По этому высоко знаменательны слова Олега, къ нимъ обращенныя: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь *рода* княжа,» и указывая на Игоря, прибавилъ; «и се сынъ Рюрика.» Этимъ опять подтверждается никогда не угасавшая

важность генеалогіи въ древнемъ арійскомъ мірѣ, откуда ея значеніе, вмѣстѣ съ арійскими племенами, перешло и въ Европу. У древнихъ Арійцевъ кровное происхожденье такъ ревниво наблюдалось и охранялось, что въ ихъ индійской отрасли, послѣ организаціи кастъ, смѣшеніе ихъ посредствомъ браковъ считалось преступленьемъ, вслѣдствіе котораго потомство отъ такихъ браковъ зачислялось въ отверженныя касты. Что въ царствующихъ династіяхъ европейскихъ Арійцевъ существовало до позднѣйшаго времени, т. е. до принятія христіанства, вѣрованье въ ихъ родство съ божествами, объ этомъ можно заключить изъ свидѣтельства Григорія Турскаго. По его словамъ, Хрот'ільда склоняла короля Клодвига къ принятію христіанской вѣры; и онъ отозвался о христіанскомъ Богѣ: «да вѣдь онъ по видимому не изъ племени боговъ» [1]). Та же мысль скрывается, конечно, и въ отвѣтѣ Святослава его матери, христіанкѣ Ольгѣ: «како азъ хочю инъ законъ пріяти, а дружина сему смѣятися начнуть.»

Изъ миѳическихъ преданій, преемственно и, такъ сказать, стереотипически переходившихъ, съ незапамятныхъ временъ, отъ пѣвца къ пѣвцу и изъ былины въ былину, обратимъ здѣсь вниманіе, въ подтвержденіе вышеизложеннаго, покрайней мѣрѣ на два мѣста въ Словѣ о полку Игоревѣ:

«Ту пиръ докончаша храбріи *Руссичи*: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Руськую.»

«Уже бо, братіе, не веселая година въстала . . . . Встала обида въ силахъ Даждь божа *внука*»

Изъ этихъ стиховъ естественно вытекаетъ положеніе,

---

[1]) Lib. II. c. 29.

что родъ-племя Русь предполагается потомствомъ миѳическаго Русса, внука Даждьбога, почему и называется *Руссичами*. Наше *Даждь* есть санскритское *Дагджа* (309) — небесная область солнца, владыка которой Індра прозывается *Сваръаг* (745). Потому-то Даждь называется у насъ *Сварожичемъ*, и отождествляется съ Солнцемъ, т. е. Індрою и Суріей, богомъ солнца. Эпитетъ *богъ*, приставляемый у насъ къ *Даждь*, есть санскритское *бо́га* (481) — богатство, изобиліе, и отсюда *Даждьбогъ* значитъ: Солнце, свыше ниспосылающее богатство, изобиліе. — У Індры или Даждьбога была дочь *Дѣвані*, жена Сканды, бога войны, очень прославляемаго въ Вѣдѣ. Поэтому миѳическій *Руссъ*, въ первоначальномъ значеньи свѣта, не иначе приходится внукомъ Даждьбогу, какъ черезъ Девані и Сканду [1]). Дальнѣйшее развитіе этого миѳа и его водвореніе на Руси, въ эпоху колонизаціоннаго движенья арійцевъ, выходитъ изъ границъ, предначертанныхъ для настоящей книги.

Поразительное множество синонимовъ первобытнаго арійскаго языка, означающихъ море и водяные пути, отразилось въ санскритѣ. Этотъ фактъ наводитъ на ту мысль,

---

[1]) Городъ Дѣвинъ, въ землѣ поморскихъ Славянъ, названъ такъ вѣроятно въ честь дочери Даждьбога; также и изображенная на военныхъ знаменахъ Лютичей богиня была, по всей вѣроятности, Дѣвані, какъ жена бога войны. См. примѣч. въ концѣ книги о жрецахъ. Тотъ же культъ Даждьбога выражается въ безсознательной народной поговоркѣ: *Турусы на колесахъ*, которая, въ христіанскій періодъ Руси, получила смыслъ пустословія, вранья. Это — отрывокъ изъ первобытной миѳологіи: *Тура́са* (296), а порусски, вслѣдствіе ударенія на долгое а, *Турусы*, есть прозвище Індры или Даждьбога; *Кала* (159) — Сіва, *санта* (637) — ошеломленный: «Туруса каласанта» — Даждьбогъ, ошеломленный Сивою. — Другое объясненье, также вѣрное первобытной миѳологіи: Туруса, т. е. Індра или Даждьбогъ *на колесахъ* — на колесницѣ разъѣзжающій по небесному пространству. Наконецъ, въ извѣстныхъ случаяхъ или празднествахъ, поклонники возили идолище Туруса.

что первобытный арійскій народъ былъ очень дѣятеленъ, и прежде окончательнаго распаденья своего на отрасли, онъ узнавалъ и извѣдывалъ страны, способныя къ колонизаціи. Странно было бы думать, что въ какой либо данный моментъ, какая нибудь отрасль Арійцевъ со своими подраздѣленьями, положимъ элинская, разомъ поднялась и двинулась въ путь, какъ какая нибудь кочевая орда. Колонизаціонное движенье совершалось въ теченье продолжительнаго періода, и за передовыми колоніями двигались, по проложенному пути, сродныя имъ племена, въ ту отдаленную эпоху еще не на столько различныя по языку, чтобъ чуждаться другъ друга [1]). Такъ родами-племенами совершалось кололонизаціонное движенье и вѣтвистой славянской отрасли Арійцевъ. О миѳическомъ Кіѣ нашемъ говорится: «Кій княжаше въ родѣ своемъ..... приде къ Дунаеви, возлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ.» Родъ-племя Русь переселился съ одного изъ славянскихъ вѣтвей въ восточную Европу, гдѣ его первенствующее значенье, съ его княжеской династіей, никогда не угасало до самыхъ такъ называемыхъ историческихъ временъ. Акающій и окающій говоры Руси — высокознаменательный и безцѣнно важный историческій монументъ, на который до сихъ поръ меньше обращали вниманья, чѣмъ на какую нибудь добытую раскопкой монету. Этимъ общимъ наброскомъ мы очертили, такъ сказать, объемъ нашего сочиненья «Зарницы Руси.»

---

[1]) Въ санскритѣ есть слово *гатагата* (209), означающее періодическіе возвраты переселенца, какъ это и теперь бываетъ съ великоруссами, уходящими на заработки и періодически возвращающимися на родину. Санскритское *гета* — ушедшій, удалившійся; отсюда малорусское *геть-геть* — далеко-далеко.

Пѣвши пѣснь княземъ старымъ,
Молодымъ потомъ пѣти: слава!
Здрави князи и дружина,
Поборая на пълкы поганы!
Княземъ слава и дружинѣ [1])

Ужъ какъ слава Богу на небѣ,
Государю нашему на сей землѣ
Слава!

Чтобъ святорусскому народу не старѣться,
Его свѣтлому имени не помрачаться,
Богатырямъ его могучимъ не изводиться,
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться:
Слава!

Здравствуй Царь-Государь на многи лѣта!
Миръ и миръ, Русь и Слава —
Вѣковѣчная твоя держава.
Слава! Слава! Слава!

[1]) Слово о полку Игоревѣ.

Приложеніе.

Этимологическій смыслъ цевковно-славянской азбуки по санскриту.

А Б В. . . . Виновника слова вѣдаю.

Г Д Є. . . . Скрывать добро желательно.

Ж Ѕ З. . . . Живемъ одеждою-пищею.

И І К. . . . Даръ умилостивляетъ жестокаго.

Л М Н. . . . Бушуетъ грозное-водоразлитіе свыше;

О П Р. . . . Сый (Богъ) назрѣваетъ стихійную влагу существъ (растеній);

С Т Ѹ Ф Х. вода съ прохладой спѣшитъ поддержаньемъ сущностей.

Ц Ч. . . . Для ученья ты жилъ;

Ш Щ Ꙋ. . . . блаженство свѣтлое — даръ вѣчнаго покоя.

Различныя соображенія привели насъ къ заключенію, что церковнославянская азбука составилась подъ вліяніемъ санскритскаго письма. Въ ней, на примѣръ, въ числѣ буквъ стоитъ, по одному слѣпому подражанію, твердый знакъ *ъ*, совершенно излишній въ славянскомъ языкѣ, но въ санскритѣ сознательно употребляемый по логической необходимости. Согласныя буквы въ санскритѣ оканчиваются, на *а*; начертаніе ग, напримѣръ, вы должны прочесть *іга*, потому что вторая буква сама по себѣ произносится *га*. Но

чтобъ составилось слово *іѕ*, нужно поставить подъ второю буквою знакъ вірама ◦, отмѣняющій произношеніе *а*. Другой примѣръ ज्ञ читается *іжа*; для отмѣны же звука *а*, подъ второю буквою ставится вірама, и тогда выходитъ чтеніе *іжѕ*. Начертаніе звуковъ, которыхъ нѣтъ въ греческомъ алфавитѣ, напримѣръ, *ч*,*щ*, явно обнаруживаетъ подражаніе санскритскому письму. Не должно упустить изъ виду характеръ эпохи, къ которой пріурочиваютъ изобрѣтеніе церковнослав. азбуки и переводъ св. писанія, — эпохи раздора между констант. и римскимъ патріархатами за политическое преобладаніе, какъ и въ наше время вопросъ о болгарской іерархіи имѣетъ свой корень вовсе не въ догматической почвѣ.

Примѣчанія:

Къ стр. 24, о вѣдійскихъ жрецахъ. Въ войну польскаго короля Болеслава храбраго съ Нѣмцами, въ 1005 г., союзникомъ императора Генриха явилось славянское племя Лютичи, которые выступили подъ предводительствомъ своихъ **жрецовъ**, несшихъ впереди священныя языческія изображенія, взятыя изъ Ретры. На ихъ знаменахъ было изображеніе богини. Одинъ изъ друзей марграфа Германа, по неосторожности, прорвалъ это изображеніе брошеннымъ камнемъ. Огорченные жрецы жаловались императору и получили въ удовлетвореніе 12 талантовъ (Успенскій, Первыя славянск. монархіи, Спб. 1871, стр. 234, 253.) Этотъ фактъ случайно попался подъ перо лѣтописца Титмара; а не будь этого, много ли знали бы мы изъ письменныхъ документовъ о славянскихъ жрецахъ? Во всякомъ случаѣ нельзя разсматривать этотъ фактъ отрывочно; логическая необходимость ведетъ къ предположенью о его задаткахъ или сѣменахъ въ глубокой миѳической древности, когда славянскій народъ еще не расторгся на множество особыхъ родовъ-племенъ, раскинувшихся на огромномъ пространствѣ Европы. Наша первоначальная лѣтопись передаетъ слѣд. сказанія о русскомъ языческомъ князѣ Владимірѣ: «иде Кіеву, и творяше потребу кумиромъ съ **людьми своими**; и рѣша старци и бояре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ. Бяше варягъ единъ, держаше вѣру хрестьяньску и бѣ у него сынъ; на сего паде жребій. И рече варягъ: не дамъ сына моего бѣсамъ.» Въ «Рамаянѣ,» твореніи поэта Вальмики, который процвѣталъ по крайней мѣрѣ за 15 вѣковъ до христ. эры, разсказывается

что могущественный царь Амбаріша обратился къ бѣдному брамину Рищикѣ, у котораго было много дѣтей, и сказалъ ему: «дай мнѣ за сто тысячъ коровъ одного изъ твоихъ сыновей, чтобъ закласть его на жертвенникѣ въ великое приношеніе, жертвою котораго долженъ быть человѣкъ.» Браминъ отказался. Это указываетъ на глубокую древность приношенія людей въ жертву. Жертвоприношеніе, Владиміра происходило, по видимому, безъ участія жрецовъ. Но это потому, что въ родѣ-племени Русь съ достоинствомъ князя соединялось достоинство **гуру** — санскр. слово, которое, съ утратою сознанія его этимологич. значенія, обратилось въ **гордый**. Въ семъ послѣднемъ значеньи въ высшей степени замѣчательны древнѣйшія малорусскія пѣсни, напечатанныя въ началѣ сборника «Историч. пѣсней малорус. народа» Антоновича и Драгоманова, т. I, К. 1874, особенно подъ № 4. Литургическій элементъ этой пѣсни будетъ разъясненъ въ нашемъ полномъ сочиненьи.

Къ стр. 25, о истребленіи духовенствомъ славянскихъ памятниковъ. Традиціонная византійская и смѣнившая ее фанаріотская политика константинопольскаго патріархата синтетически выразилась, въ позднѣйшее время, въ фактѣ, на который указываетъ Канитцъ въ своемъ сочиненьи о Задунайской Болгаріи. Терновскій митрополитъ, грекъ Неофитъ приказалъ сжечь всѣ драгоцѣнные, незамѣнимые манускрипты, объяснявшіе исторію Болгаръ съ VII до XVI вѣка. Конечно, на такой варварскій поступокъ была принесена жалоба патріарху; но тѣ, которые жаловались, были, по приказанію патріарха, заключены въ тюрьму. — Во 2-й половинѣ IX вѣка, христіане изъ мизійскихъ Славянъ, прозванныхъ Болгарами, обращались къ папѣ Николаю I за разрѣшеньемъ нѣкоторыхъ вопросовъ о вѣрѣ, и между

прочимъ о томъ, что имъ дѣлать съ находящимися у нихъ «сарацинскими» книгами? Папа рѣшилъ сжечь ихъ (Responsa ad consulta Bulg. Acta concil. ed. Harduin, V, 353). Но что это за книги? Нѣтъ ни малѣйшаго историческаго намека на то, чтобъ въ IX в. существовало на Балканскомъ полуостр. магометанство; поэтому мы полагаемъ, что, въ христіанскомъ смыслѣ, тутъ названы «сарацинскими» (сурасатру, 722, богопротивный) языческія книги Славянъ.

Обратимъ вниманіе на самое слово **книга**. У Лук. 4. 17 стоитъ въ греческомъ βιβλίον, очевидно отъ βιβλος — папирусный матеріялъ для письма, а въ широкомъ значеніи — писаніе; у насъ оно передано словомъ **книга**. За тѣмъ у нссъ производное отъ книга — **книжницы** (Лук. 5: 21), а въ греческомъ названіе этого класса ученыхъ произведено не отъ βιβλίον: они называются οἱ γράμματεῖς, отъ γραμμα — буква; письмо; писаніе, книга. Славянское **книга**, по закону экономизаціи звуковъ, есть сокращеніе сложнаго санскритскаго **кі-нігама**, изъ которыхъ первое (163) значитъ: вѣдать, знать; видѣть; а второе (361)— священное писаніе, Вѣда. Въ противоположность священному языку писанія, простонародная, разговорная рѣчь называлась въ санскритѣ **граміїа** (229): это собственно деревенская рѣчь, отъ **грâмата** — собраніе хуторовъ, деревень, откуда малорусское **громада** — сельская сходка, сельское собраніе. Письмо на этомъ разговорномъ языкѣ, для обыденныхъ дѣлъ, получило названіе — **граматы** отъ **граміїа** и приставки **та** (281)— дерево, такъ какъ первоначальнымъ писчимъ матеріаломъ у Русь-Славянъ были не египетскій папирусъ, а деревянныя дощечки: грамата —рѣчь на дерѣвѣ, грамотный—разбирающій, читающій эту рѣчь.

Другое названіе письменнаго акта было карта:

Требажъ твоёму попові **карту** написати [1]).

[1]) Закревскій, Бандуриста № 183.

VI

Латинское charta, въ первоначальномъ своемъ значеньи, было тожественно греческому βιβλος, т. е. папиросному листу, и только позднѣе получило расширенное значеніе писанія, сочиненія: charta Graeca, у Цицерона; отсюда уже, единственно въ послѣднемъ значеніи, греческое χαρτης. Но на Руси египетскаго папируса не водилось, и потому слово карта вовсе не занято ею у Греко-латинянъ; а перешло, вмѣстѣ съ колонизаторами, изъ первобытной прародины: ибо въ санскритѣ **карті** (181) означаетъ кору дерева бурга или бурджа (181), на которой писали; дерево это имѣетъ болѣе спеціальное названіе **б'уга** — родъ березы, (букъ?) и собственно кора послѣдняго дерева называется въ санскритѣ «карті».

Къ стр. 39 и 41, о значеніи казаковъ. Изъ множества фактовъ, укажемъ на первый, попадающійся подъ руку. Въ XVI в. императоръ Рудольфъ II послалъ къ Запорожцамъ Э. Лассоту съ 8,000 червонцевъ для привлеченья къ своему союзу въ войнѣ противъ Турокъ и Татаръ. Въ Запорожьѣ Лассота засталъ посланника Московскаго великаго князя, съ дарами запорожскому войску. Въ томъ же вѣкѣ, Запорожцы, подъ предводительствомъ Лободы, покорили всю Молдавію, разграбивъ и спаливъ самую столицу Яссы. Вслѣдствіе союза съ императоромъ, они совершили въ 1595 г. походъ въ Венгрію, подъ начальствомъ Наливайка. См. любопытную книжну: «Путевыя записки Э. Лассоты, пер Ф. Бруна, Спб. 1873 г. — Въ томъ же XVI в., Запорожцы, подъ предводительствомъ Богданка (Богдана Рожинскаго), разорили Синопъ, Трапезунтъ и окрестности Царьграда: это — водяной путь, съ незапамятныхъ временъ, знакомый прибрежнымъ Руссамъ (Лѣтоп. Самовидца, стр. 3; Гробанка стр. 32).

— См. также повѣствованіе о знаменитомъ Азовскомъ сидѣніи донскихъ казаковъ, Христом. Буслаева.

Къ стр. 57. У Массуди: „Море **Найтас** есть **Русское** море.“ Почему отождествены здѣсь два названія Чернаго моря? какое между ними отношеніе?— **Найтас** есть нарицательное имя Руссовъ, какъ промышленниковъ, а **Русскій** есть племенное имя этихъ промышленниковъ. **Найтас** имѣетъ свое объясненіе въ санскр. словахъ: **Наў** (380) — корабль и **дâса** (318) — рыбакъ; наўдас или **найтас** — корабельщики-рыбаки. Не менѣе раціонально и слѣдующее этимологическое значеніе: **Наіа** (354)—проводникъ, **дâса**: **наіадас**, **найтас** — проводникъ-рыбакъ. Поэтому, въ значеньи нарицательнаго имени, **Найтас** примѣнимо какъ къ Тиверцамъ, такъ и къ другимъ прибрежнымъ Руссамъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОПРАВКИ.

Напеч.			Читайте.
стр.	строка		
16	4	выводу	выводу:
„	11	соображеній	соображеній:
33	7	палаты бѣлокаменны значитъ палаты князя ласковаго.	
38	10	по	къ
44	30	судоводство	судоходство.
51	3	подъ	надъ
54	12	Ульворш	Ульворсі
56	19	кон-то	кои-то
57	4	землевладѣльцы	земледѣльцы
„	22	пленнымъ	племеннымъ
59	10	у поля	у поля,
65	1	Гинаниса	Гипаниса
69	12	незамѣчанью	замѣчанью
77	29	Ліан-моти	Ліан-люти
78	15	надъ	подъ

Въ Книжномъ Магазинѣ В. И. Бѣлаго, въ Одессѣ

Между прочими продаются:

ИЗДАНІЯ А. С. ВЕЛИКАНОВА.

Мишле, Ж. Женщина. Ц. 75 к.

Легуве. Исторія Нравственнаго положенія женщинъ. Ц. 1 р. 25 к.

Шекспиръ. Гамлетъ, пер. Кронеберга, съ предисловіемъ Бѣлинскаго. Ц. 75 к.

— Макбетъ, перев. Кронеберга, съ предисловіемъ Бѣлинскаго. Ц. 50 к.

Квитка. (Основьяненко) Драматическія сочиненія, 2 тома. Ц. 2. р. 50 к.

— Отдѣльно т. 2-й ц. 75 к.

ИЗДАНІЯ В. И. БѢЛАГО.

Марковъ, Е. Л. Очерки Крыма. Картины Крымской жизни природы и исторіи. Ц. 2 р.

— Собраніе сочиненій съ портретомъ автора. Ц. 4 р.

Котляревскій. Сочиненія на Малорусскомъ языкѣ. Ц. 2 р.

Лассота. Записки о запорожцахъ. Ц. 50 к.

Цабель. Руководство по Виноградарству. Ц. 3 р.

Тарданъ. Виноградарство и винодѣліе. изд. 3-е. Ц. 3 р.

Бершъ. Увеличеніе количества и улучшеніе винограднаго вина. Ц. 1 р.

Рейхъ. Причины слабонервности и душевныхъ разстройствъ у женщинъ и предохранительныя, а также и лечебныя противъ нихъ средства. Ц. 1 р.

Щербачевъ. Табакъ и его культура. Ц. 80 к.

Карауловъ. Очерки исторіи русской Литературы. Ц. 3 р.

Сбірникъ творівъ Іеремія Галки. Ц. 1 р. 75 к.

Кромѣ того находятся на складѣ:

Учебники: **Колосова, Топорова, Эртеля, Керковіуса, Бѣлицкаго, Росточила, Чемены** и другіе, а также всѣ сочиненія **Рейдемейстера.**